

Мойзес
Наим

Два шпиона
в Каракасе
роман

CoRPUS

Не совсем выдуманная
история про любовь
и заговоры
в эпоху Уго Чавеса

Мойзес Наим

Два шпиона в Каракасе

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 821.134.2(87)
ББК 84(7Вен)-44

Наим М.

Два шпиона в Каракасе / М. Наим — «Corpus (АСТ)», 2019

ISBN 978-5-17-120076-3

Мойзес Наим – всемирно известный венесуэльский журналист и политолог, кавалер орденов Франции, Италии, Аргентины и Венесуэлы. Много лет он возглавлял журнал Foreign Policy, а до того, как начал заниматься журналистикой, был министром торговли и промышленности, директором Центрального банка Венесуэлы и исполнительным директором Всемирного банка. Работа Наима “Конец власти” признана в США лучшей книгой 2013 года (по версии Financial Times и The Washington Post). “Два шпиона в Каракасе” – его первый роман, и написан он в жанре шпионского триллера, однако вымышленные по большей части персонажи и захватывающий сюжет помогли автору создать яркую и убедительную картину реальности, в достоверности которой трудно усомниться. Это история правления Уго Чавеса, мечтавшего о вечной власти. Он даже внес ради этого поправки в Конституцию, однако судьба распорядилась его жизнью по-своему. Теперь всем известно, какой катастрофой обернулись для Венесуэлы попытки построить там “социализм XXI века”.

УДК 821.134.2(87)

ББК 84(7Вен)-44

ISBN 978-5-17-120076-3

© Наим М., 2019

© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Глава 1	5
В двух тысячах километров к северу	8
Вихри переворота	12
Если взяться за дело с умом, все получится как надо	14
Добро пожаловать, сеньор президент!	16
Кто всем этим руководит?	19
Поражение или нет?	22
Глава 2	23
Горючее для революции	26
Кристина перестала быть Кристиной	29
Оба проиграли	33
Глава 3	35
Новый лучший друг	35
Дружеский ужин	38
“Черное дерево”	40
“Элита”	43
Паук плетет свои сети	45
Свободу Уго!	48
Глава 4	50
Клянись твоими останками, отец...	50
Уго – кандидат?	52
Петушок начинает охоту	54
Знакомство с Фиделем	56
Хороший вильяно	59
Взгляд	61
Я вовсе не дьявол	64
Поддержка на всех фронтах	66
Глава 5	68
Новые короли	68
Ночь Львов	70
Не забывай о нас, Уго!	73
Подруги секретничают	75
Министерская верхушка	77
Алло, президент!	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мойзес Наим

Два шпиона в Каракасе

Не совсем выдуманная история про любовь и заговоры в эпоху Уго Чавеса

Посвящается Эмме, Лили и Саму

Глава 1

Ночные звонки

Нет звука отвратительней, чем телефонный звонок, который помешал любовникам в постели. Женщина сердится, еще крепче прижимается к плечу мужчины и, почти задыхаясь, просит:

– Только не вздумай брать трубку!

Он не обращает на ее слова никакого внимания и поступает по-своему: ускользает от жадных губ, с силой отрывает от себя цепкие руки и в мгновение ока словно сбрасывает с себя дурман, которым она успела его окутать. Затем садится, подносит палец к губам, требуя тишины, и снимает трубку старомодного черного аппарата. Он уже полностью владеет своим голосом, и никто не смог бы догадаться, что всего несколько секунд назад он на всех парах мчался к оргазму.

– Алло!

– Иван, ты можешь мне объяснить, что за чертовщина творится там, в этой твоей Венесуэле?

Иван сразу узнает голос. Это Гальвес, его шеф.

Между тем женщина не желает сдаваться. Она прыгает на него, гладит, касается всех тех мест, которые, как ей известно, наверняка заставят его вернуться к ней. Пускает в ход руки, губы, язык, соски... Хочет оживить тот миг, который был погублен телефонным звонком.

Поведение любовника кажется Хлое непостижимым. Что может быть важнее секса с женщиной, которую ты так страстно любишь? Молодая голландская активистка приехала на Кубу “учиться” тому, как надо делать революцию и как экспортировать во все остальные страны мира уже проверенные здесь методы. Ее идеализм может соперничать лишь с ее чувственностью. И наивностью.

Однако она проявляет еще и неумный интерес к политике – даже когда оказывается в постели со своим новым любовником, хотя именно он мог бы стать главным мужчиной ее жизни. Но у Ивана Ринкона есть служебные обязанности, о которых ей ничего не известно и которые для него куда важнее любовных похощений. Вот и сейчас он нервно вскакивает с постели, будто сразу забыв о лежащей там женщине.

И ей приходится проглотить обиду. Хлоя тоже встает и голая выходит на балкон, чтобы попытаться унять охватившее ее бешенство. Она делает глубокий вдох, впуская в легкие свежий воздух, принесенный ветерком с моря. Безмолвную в эти часы Гавану освещает одна только луна, которая вычерчивает силуэт города и отражается в волнах Карибского моря.

– Понятия не имею... Я тебе много раз повторял, что там никогда и ничего не происходит, – с напряжением в голосе объясняет Иван в трубку, но при этом не может скрыть удивления.

– Ты сильно ошибаешься... В Венесуэле что-то заваривается, – отвечает ему Гальвес.

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что как раз в эти минуты и как раз сегодня, будь оно, это сегодня, проклято, то есть четвертого февраля тысяча девятьсот девяносто второго года, пока ты дрыхнешь без задних ног, в Венесуэле происходит военный переворот: танки атакуют президентский дворец, а на другом конце города из минометов обстреливают резиденцию президента. Мы не знаем, кто в этом замешан и кто командует путчистами. Зато я твердо уверен в другом: за нынешней весьма скверной историей стоят американцы.

– Кто???

– Позволь мне удивиться твоему удивлению... А еще ты меня здорово разочаровал или даже, вернее сказать, подвел. Я-то думал, что могу выкинуть Венесуэлу из головы, коль скоро этим направлением занимаешься ты. Ладно, давай кати немедленно сюда! – кричит ему Гальвес и дает отбой.

Расстроенный Иван швыряет телефонную трубку на рычаг и быстро одевается. Хлоя возвращается в комнату, ложится в постель и принимает соблазнительную позу, призывая его взглядом.

– Увидимся позже, – бросает Иван ледяным тоном, не обращая никакого внимания на обнаженное тело, потом быстро целует Хлою братским поцелуем и спешит к двери.

Он старается выжать все что можно из своей раздолбанной машины. В такие минуты Иван жалеет, что никогда как следует не занимался двигателем. И теперь ему кажется, что она вот-вот развалится на части. Машина мчится по пустынному городу, взрывая тишину и оставляя за собой дымный след. Путь от дома до здания G2 Иван проделывал тысячи раз. G2 – это место его службы, Главное управление разведки Кубы.

“Нет, Гальвес ошибается... – думает Иван, пытаясь ехать как можно быстрее. – Просто ему повсюду чудятся янки. К тому же трудно понять, каким боком военный переворот был бы полезен Вашингтону. Они и без всяких переворотов диктуют свою волю правительству Венесуэлы. Эти две страны – союзницы. Но если тут не замешаны американцы, то кто, черт возьми, заварил всю эту кашу? Не знаю. А вдруг Гальвес все-таки прав и мы имеем дело с очередным трюком ЦРУ? В таком случае они и впрямь застали меня со спущенными штанами. Но чтобы такое случилось со мной!.. Неужели и вправду проморгал?..”

Иван еще сильнее давит на газ. А что толку? Старый мотор слушаться его не желает.

Наконец он доезжает до Управления и, чтобы не терять времени в неторопливом лифте, бегом поднимается по лестнице. В комнате для совещаний он застаёт Гальвеса и кучу других людей, в том числе и военных. Кое-кто говорит по телефону. Иван знаком со всеми. И ему хорошо известно, что далеко не всех он может считать своими друзьями. Войдя, он робко здоровается с Гальвесом, стараясь не встречаться с ним взглядом. Шеф кипит от ярости.

– Ага, вот и ты наконец... Добро пожаловать! Лучше поздно, чем никогда, так ведь? – накидывается он на Ивана. Потом оборачивается к остальным и с издевкой добавляет: – Рад представить вам суперагента Ивана Ринкона. Вы его знаете... Это ваш легендарный коллега, который добивался удивительных успехов, участвуя в самых опасных операциях. Тот, кто не умеет проигрывать... Правда, спеси и самомнения у нашего героя больше, чем воды в океане... – добавляет Гальвес, не меняя тона. – О чем он забыл нам сообщить, так это о том, что уже ушел в отставку. И о том, что нынче его интересует исключительно роль первого любовника и он старается не пропустить ни одной нимфы, встреченной на пути. К сожалению, чрезмерная занятость помешала ему поставить меня в известность, что он больше не занимается Венесуэлой... Мало того, Иван Ринкон гостеприимно распахнул двери этой страны для наших врагов.

Иван чувствует, что упреки Гальвеса доходят до него не через уши, а через желудок. Его желудочный сок закипает, да и в груди вот-вот начнется пожар. От каждого слова Гальвеса огонь разгорается все жарче и жарче. Иван привык слышать от начальства одни лишь похвалы

и восторги. Никогда раньше его так не унижали, и уж тем более перед коллегами. Пожар в груди делается нестерпимым. Наконец Иван решается подать голос:

– Вы правы, шеф. Видно, мы это дело действительно проворонили. Ни один из моих агентов в Венесуэле не забил тревоги и не предупредил, что может случиться что-то в таком вот роде. А ведь я и сам только что провел там целый месяц. И много где успел побывать, но не заметил никаких перемен – ровно ничего подозрительного. Все было как всегда. Много политики, много пустопорожней болтовни, много денег, много воровства и много бедных – ничего нового. Как видно, мы просто убедили себя, что пока в Венесуэле есть нефть, там ничего не может произойти.

Гальвес перебил его:

– С чем я тебя и поздравляю! Блестящий анализ ситуации! Жаль вот только, что ты абсолютно во всех своих оценках умудрился промахнуться. И пока ты шел к столь мудрым выводам, американцы рыли тебе яму. Да, ты ошибся, раскрасавец ты наш.

Коллеги улыбаются, и это вдвойне унижительно для Ивана. Гальвес между тем продолжает:

– Завтра же ты отправишься в Каракас и подготовишь для меня подробнейший отчет о том, что именно там творится. Сам прекрасно знаешь: Венесуэла всегда представляла для нас огромный интерес. Слышишь? Двигай туда и не возвращайся, пока не разработаешь план действий с учетом нынешней ситуации... То есть план, как повернуть эти события в нашу пользу.

В двух тысячах километров к северу

Почти в то же самое время, когда в Гаване телефонный звонок помешал Ивану испытать оргазм, другой звонок, но уже в Вашингтоне, прерывает медитацию Кристины Гарсы. Ее телефонный аппарат совсем не похож на тот черный и древний, что стоит в комнате у Ринкона. У нее телефон современный, беспроводной. Он не только звонит, но еще и вибрирует. Его призыв невозможно проигнорировать, особенно если звонки поступают со специальных номеров, как, скажем, вот этот, прилетевший из здания, расположенного в двух тысячах километров к северу от Гаваны.

Кристина с досадой открывает глаза и смотрит на улицу через огромное окно в гостиной ее небольшой, но с большим вкусом обустроенной квартиры.

За окном еще кружат последние снежинки – все, что осталось от бурана, парализовавшего на несколько дней Вашингтон. А к зиме Кристина привыкает с трудом. На самом деле она уверена, что никогда не сможет к ней привыкнуть. Для нее очевидно: холод и счастье – две вещи несовместимые. По крайней мере так Кристина их воспринимает. Вот уже полчаса как она пытается одолеть бессонницу, очередную бессонницу. Девушка следует советам своего психиатра: если сон не приходит, заснуть поможет медитация. А к Кристине сон не приходит часто. Ночь за ночью перед глазами встают одни и те же картины, от них она покрывается холодным потом, а из глаз текут слезы, хотя никаких слез там уже давно вроде бы не должно было остаться. Разве тут заснешь? Взрываются бомбы. Отчаянно кричит женщина, прижимая к груди безжизненное детское тельце. Куда-то бесцельно бредут окровавленные и оглушенные люди. На улице валяются трупы. И там, посреди этого ада, она, Кристина. В испачканной кровью форме, с винтовкой *M1* на плече.

Кристина испробовала все, пытаясь избавиться от этих воспоминаний: таблетки, психотерапию, гипноз, рэйки, упражнения пранаямы, цигун и много чего еще. Но картины из прошлого продолжают возвращаться, словно призраки, твердо решившие сделать ее жизнь невыносимой.

– Это посттравматический стресс, – говорит психиатр. – Со временем это проходит.

– Да, но пока если что и проходит, так только время. А кошмары никуда не деваются. Они по-прежнему меня не отпускают.

И дело не ограничивается кошмарными снами, на самом деле Кристина снова и снова словно наяву видит эпизоды из той своей реальной жизни, когда она в качестве лейтенанта корпуса морской пехоты участвовала в операции *Just Cause*, “Правое дело”, – такое кодовое название дал Пентагон вторжению вооруженных сил США в Панаму. Целью операции было свержение диктатора Мануэля Норьеги, который превратил свою страну в наркогосударство и заключил весьма доходный союз с Пабло Эскобаром, лидером Медельинского картеля. И хотя участие в операции оставило на теле Кристины заметные шрамы – как, скажем, шрам на ноге после ранения осколком гранаты – или навязчивые картины в мозгу, она ни в чем не раскаивается. Завербоваться в морскую пехоту значило для нее найти свое место в мире, поставить перед собой трудную цель и победить собственные страхи. Она еще в детстве обрела способность держаться невидимкой, довела до совершенства приемы, позволявшие оставаться незаметной, не выделяться и не привлекать к себе внимания, – все это оказалось жизненно необходимым ей в будущем.

И вот сейчас, среди ночи, Кристине хотелось бы использовать свой талант и не прерывать медитации, но настойчивый телефонный звонок заставил ее вернуться к реальности. Вернуться незамедлительно, поскольку этот звонок звучал по-особому, и Кристина сразу определила, что добивается ее Оливер Уотсон, ее шеф. Она даже не успела поздороваться с ним, так как он с ходу спросил:

– Крис?.. Что происходит в Венесуэле?

– Не поняла...

– Военные устроили переворот...

– Какие еще военные?

Вопрос Кристины окончательно вывел шефа из себя.

– Это я должен у тебя спросить: какие еще военные, Кристина? Мы платим тебе хорошие деньги за то, чтобы ты знала все, что происходит в Венесуэле, вернее, чтобы ты знала обо всем раньше, чем что-то там произойдет. А оказывается, ты понятия ни о чем не имеешь. Даже после того, как некие события уже случились. Что ж, выходит, дело обстоит куда хуже, чем я полагал. Скажи, а тебе не кажется, что тут могут быть замешаны кубинцы?

Кристина отвечает, что ее агенты в Венесуэле держат под плотным наблюдением как кубинцев, так и венесуэльских военных, но до сих пор не замечали ничего подозрительного.

Молчание Уотсона длится несколько бесконечных секунд. – Немедленно приезжай сюда, – сухо приказывает он и отсоединяется.

Кристина словно окаменела. То, что сейчас происходит, грозит подорвать одну из двух опор ее жизни – лишит работы. У нее нет постоянного мужчины, нет детей, нет увлечений, она не верит в Бога. Ее семья раньше жила в Мексике, а теперь живет в США, в Аризоне, далеко от Вашингтона. Со временем Кристина превратилась в мать для своих родителей, братьев и сестер, о которых издали заботится, которых поддерживает и защищает. Семья и профессия – два якоря, двойное “я”, единственное, что есть надежного в ее существовании.

Кристина переодевается с солдатской быстротой. Выбирает брюки, которые подчеркивают ее спортивную и очень соблазнительную фигуру, итальянский плащ и теплые сапоги. Чтобы скрыть черные круги под глазами, оставленные бессонными ночами, она вместо контактных линз надевает очки в массивной оправе. Войдя в лифт, смотрит на свое отражение в огромном зеркале. Очки не слишком помогли: на лице заметны следы бессонницы и сменявших ее кошмарных сновидений. Пока лифт спускается в подземный гараж, Кристина накладывает на лицо немного макияжа, красит губы розовой помадой и, чтобы чувствовать себя привычней, добавляет каплю своих любимых духов – *Ma liberté* Жана Пату.

Даже в такие предельно напряженные мгновения она остается перфекционисткой, это очень характерная ее черта, которая проявилась в детстве и стала еще заметнее после начала службы в корпусе морской пехоты.

До этого жизнь Кристины в Соединенных Штатах была такой же, как у всех нелегальных иммигрантов, то есть неустойчивой и опасной, что не давало права на ошибки. Поэтому следовало неукоснительно соблюдать ряд правил. Например, нельзя было попадать в руки миграционных властей и давать повод для высылки. Как и ее родители, Кристина жила в постоянном страхе, как бы не оказаться под облавой, ведь тогда их насильно отправили бы обратно в Мексику – и они стали бы еще одной семьей в длинном списке депортированных.

Много лет тому назад, еще девчонкой, Кристина вместе с родителями и младшими сестрой и братом, тогда грудным младенцем, пешком перебрались через границу. Испытание было жесточайшим. Они терпели жару, какая бывает только в пустыне и способна высушить у человека все нутро, терпели жажду, превращавшую слюну в песок, узнали страх перед змеями, перед американскими полицейскими и – особенно – перед “койотами”, негодьями, которым отец заплатил, чтобы они помогли семье пересечь воображаемую линию, отделявшую нищету от надежды. “Больше никогда, никогда в жизни я не соглашусь повторить ничего подобного”, – то и дело твердила себе маленькая Кристина. Но очень скоро поняла: чтобы это “никогда, никогда в жизни” стало реальностью, надо научиться быть невидимой. Присутствовать в любом месте, в любых обстоятельствах так, чтобы никто не заметил твоего присутствия. Это были самые ранние и растянувшиеся на долгие годы уроки, данные ей судьбой. Именно они сделали

ее такой, какая она теперь есть. Сделали человеком, который сам видит все, но которого не видит никто.

Когда Кристина Гарса окончила среднюю школу, она узнала, как можно найти спасение от постоянно мучившего ее страха: только что принятый в США закон давал нелегальным иммигрантам шанс нормализовать собственное положение, а возможно, и положение всей своей семьи. Для этого надо было отслужить не меньше пяти лет в вооруженных силах США.

Кристина не поддавалась на уговоры матери, по мнению которой, служба в армии была не менее рискованной, чем жизнь “без бумаг”, – и та и другая были своего рода минным полем. А служба в морской пехоте считалась самой опасной. Но Кристина думала иначе. На вид она была девушкой замкнутой, однако очень скоро ей удалось удивить как начальство, так и товарищей по учебе. В первые же месяцы, когда пришлось сдавать экзамены по общим дисциплинам и заниматься усиленной физической подготовкой, она проявила не только острый ум, но и способность выдерживать самые тяжелые нагрузки.

Киношники и фотографы, которые в конце 1989 года сопровождали корпус морской пехоты в Панаму, запечатлели для истории, как Кристина, рискуя жизнью, спасла товарища. В одном из столичных районов, где укрепились верные Норьега военные, на маленькой площади лежал, истекая кровью, юный морпех. Кристина зигзагом добежала до раненого и помогла ему поползти до дерева, за которым можно было укрыться от пуль. И вдруг все вокруг словно замерло. Неожиданно прекратился огонь, и ни пехотинцы, ни панамские солдаты не решались нарушить эту тишину. Кристина услышала истошные женские крики, доносившиеся с другого края площади. Она поискала взглядом кричавшую и увидела, что та неподвижно лежит на земле рядом с ребенком, который непрерывно плачет. Не раздумывая, Кристина бросилась к женщине. Снова раздались выстрелы. Милисианос¹ целились в нее, но ни разу не попали, вернее, просто не успели попасть, потому что им пришлось спешно прятаться в укрытия, поскольку все американские пехотинцы разом открыли по ним огонь, стараясь прикрыть Кристину.

Добежав до женщины, она с горечью поняла, что ребенок больше не плачет. И не дышит. Он попал под перекрестный огонь и был изрешечен пулями. Начиная с этого момента ее воспоминания становятся очень реальными и отчетливыми, но одновременно и очень смутными. Она ясно помнит, что, пока пыталась сдвинуть с места мать, раненую, но еще живую, услышала мощный взрыв, и сильная взрывная волна отбросила ее саму на несколько метров в сторону. А еще она почувствовала острую боль в правой ноге. Как она узнала уже потом, неподалеку взорвалась граната и осколок попал ей в ногу. Несмотря на рану, Кристина смогла ползком вернуться к умирающей женщине, все еще обнимавшей своего ребенка, и этот малыш навсегда останется в душе и в мыслях Кристины, лишая ее сна. Из-за этого малыша она будет ежедневно испытывать невыносимое и неотступное чувство вины. “Я должна была его спасти”, – повторяла она себе снова и снова.

Какое-то время спустя Уотсон, ее командир в корпусе морской пехоты, занял высокую должность в ЦРУ и предложил Кристине перейти следом за ним туда же. Уотсон слепо ей доверял. “Кристина может сделать все и все делает хорошо”, – говорил он. Так оно и было на самом деле. Кристина приняла предложение Уотсона, а попав в ЦРУ, стала очень быстро подниматься по служебной лестнице, в чем сыграли свою роль как владение испанским языком, так и уважение начальства к ее прошлой, отмеченной наградами, воинской службе, но в первую очередь – способность и умение всю себя без остатка отдавать работе.

Вскоре она была назначена на должность, которая словно нарочно ее дожидалась, и стала отвечать за весьма важное для интересов США направление – за Венесуэлу, имеющую самые

¹ Милисианос – члены отрядов народного ополчения. (Здесь и далее – прим. перев.)

большие в мире запасы нефти и расположенную всего в двух с половиной часах лета от берегов Соединенных Штатов, давних ее союзников.

Но теперь это не имело никакого значения. И Кристина, заводя свой новенький красный джип, чувствовала, что все летит к черту. Она на бешеной скорости выехала из гаража, не обращая внимания на опять поднимающуюся снежную бурю. Оставила позади столичные памятники, пересекла по мосту реку Потомак и меньше чем через полчаса вошла в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния.

Девушка поднялась в зал, где обычно заседал оперативный штаб, и увидела, что Уотсон уже проводит там совещание. Все взгляды обратились на нее. Никто ничего не сказал. Кристина тоже.

Вихри переворота

Уго Чавес наконец принимает решение. После нескольких недель, потраченных на подготовку, после нескольких недель напряженного ожидания он собирает пятерых офицеров в туалете Военной академии и тоном каудильо сообщает:

– Операцию “Самора” начинаем в ближайший понедельник в полночь.

Его слова со скоростью боевого приказа летят из Каракаса в Сулию, из Маракая – в Валенсию и дальше. На разработку планов ушло больше десяти лет. Были проведены сотни тайных совещаний, велись долгие разговоры о Боливаре, Марксе, Мао, Че Геваре, о ситуации в Венесуэле и Латинской Америке в целом. Со временем все чаще стали вспыхивать споры по стратегическим вопросам, а также по поводу карт, шифров, логистики, системы поддержки и всего прочего, что необходимо предусмотреть и продумать при подготовке государственного переворота.

Четверо молодых офицеров, только что выпущенных из Военной академии, собрались в тени американского кедра и, подражая клятве Симона Боливара Освободителя, поклялись Господом Богом, Родиной, собственной честью и душевным покоем, что разобьют цепи произвола и угнетения, чтобы заложить основы того, что они назвали Революционным боливарианским движением. Они верят: Венесуэла сможет возродиться под началом солдат-патриотов. Это один из тех проектов, которые так необходимы молодым людям, в чьей душе под маской искреннего и глубокого альтруизма таятся честолюбивые замыслы, поиски идентичности и потребность “принадлежать чему-то более великому, чем ты сам”. Однако эти молодые люди не в университетских аудиториях находили отвечающие их настроениям идеи и мечтали о лучшем будущем. Они были военными, которых обучили владеть оружием так, чтобы оно без остановки сеяло смерть. А кроме того, они командовали другими молодыми людьми, еще более молодыми, чем они сами, а те командовали ротами и взводами, управляли танками, боевыми самолетами и стреляли из артиллерийских орудий. Они тоже были вооружены и обучены убивать.

Сейчас, когда Уго принял решение, у них оставалось меньше тридцати шести часов на завершение подготовки. Однако среди их сторонников есть не только военные – от курсантов военных училищ и сержантов до подполковников, – но и гражданские лица, готовые присоединиться к восстанию. У мятежников имеются танки, винтовки и боевое снаряжение. Настал час освободить Родину.

– Боливар!..

– Слава Боливару!

Заговорщики знают, что президент Карлос Андрес Перес этой ночью возвращается в страну. Знают, что неделю назад он улетел в Швейцарию, в маленький альпийский городок Давос, где каждый год проводится знаменитый экономический форум, на который съезжаются высокие должностные лица и крупнейшие бизнесмены со всего мира. А еще они знают – и с издевкой над этим посмеиваются, – что Перес отправился туда, чтобы завоевать доверие иностранных инвесторов, чтобы поговорить о нефтяном богатстве и политической безопасности, гарантированной в этой стране с одной из самых старых и стабильных демократических систем Латинской Америки. Они знают, что главная цель операции, которой Уго дал название “Самора”, – арестовать президента прямо в аэропорту. А если будет нужно, то и “нейтрализовать” его. Правда, они не знают, что президенту известно об их замыслах. И он не боится заговорщиков.

Прямо перед поездкой президента в Давос министр обороны и глава военной разведки попросили Переса о срочной встрече. Они призвали его к бдительности, так как получили

сведения о заговоре КОМАКАТЕ², то есть команданте, майоров, капитанов и лейтенантов, – офицерской ложи, которая действовала тайно и осторожно вербовала сторонников среди военнослужащих всех рангов. Цель заговора – свержение правительства. Пользуясь тем, что страна переживает большие экономические трудности, и тем, что, согласно опросам, популярность президента, соответственно, упала, мятежники попытаются свергнуть президента силой. Их не останавливает то, что он был избран демократическим путем. Они больше не верят обманам и уловкам, с помощью которых непотопляемая элита угнетает народ.

“То, как у нас проводятся выборы, – это всегда чистое мошенничество”, – любит повторять Уго.

Во время упомянутой встречи с министром обороны и главой военной разведки президент с усмешкой ответил им: – Все это не более чем слухи. А предполагаемая тайная ложа, о которой вы говорите, – всего лишь группа офицеров, которые собираются вместе, чтобы обсудить предвыборные опросы и поспорить о политике. Разве существует в мире хоть одна армия, где не происходят подобные вещи? Так что я не вижу ни малейшего повода для беспокойства. Здесь у нас ничего произойти не может.

Иными словами, Перес был абсолютно уверен: эти военные просто слегка потеряли ориентиры, однако они не в состоянии причинить стране реальное зло и уж тем более им не удастся силой свергнуть президента.

– Сорок лет демократии, при которой жила наша страна после последней военной диктатуры, нельзя вот так разом взять и перечеркнуть. Во всяком случае, это не по плечу нацепившим военную форму юнцам, они умеют лишь произносить грозные речи и наводят страх на наивных простаков, – сказал президент генералам. – Я хорошо знаю нашу страну. Венесуэльцы любят свою свободу и, даже если они чем-то недовольны, сделают выбор в пользу демократии.

Закончилось совещание приказом, прозвучавшим как издевка:

– У вас, военных, слишком много свободного времени. Займите своих подчиненных каким-нибудь делом и держите их подальше отсюда! Это все.

Вскоре он вылетел в Швейцарию.

² КОМАКАТЕ (исп. СОМАКАТЕ; аббревиатура от офицерских чинов – comandantes, mayores, capitanes, tenientes – команданте, майоры, капитаны, лейтенанты). В 1982 г. Чавес вместе с другими молодыми офицерами основал подпольную организацию под таким названием. Позднее КОМАКАТЕ была преобразована в Революционное боливарианское движение, названное в честь героя латиноамериканской Войны за независимость Симона Боливара.

Если взяться за дело с умом, все получится как надо

Пока президент Перес садится в самолет, чтобы вернуться на родину, довольный услышанными в Швейцарии аплодисментами, поздравлениями и обещаниями инвестиций, в Венесуэле заговорщики не теряют времени даром. Сделав все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания, и стараясь изобразить дело так, будто речь идет об обычных военных маневрах, они стягивают силы к международному аэропорту Каракаса. Их цель – арестовать президента сразу по прилете и взять в свои руки контроль над самыми важными стратегическими объектами – в первую очередь над дворцом Мирафлорес, официальной резиденцией президента и главным символом власти.

Зачинщики переворота решают, как, кем и в какой последовательности будут захвачены мосты, основные дороги, военные гарнизоны, воздушные базы, радио- и телестудии, государственные учреждения и все то, что может нести в себе угрозу в случае, если им удастся захватить власть.

В ночь накануне намеченного переворота двое руководителей заговора, в тысячный раз обсудив все детали намеченного плана, долго беседовали. Они пили ром из матовых пластиковых стаканчиков. Оба рвались в бой и были сильно возбуждены.

– Мы десять лет шли к этому, – говорит Уго Чавес Мануэлю Санчесу, тоже подполковнику, как и он сам, – подготовка была делом опасным, но мы поработали хорошо, как надо поработали – терпеливо, упорно... А главное, сумели сохранить все в тайне... И вот приближается час, которого мы так ждали! Час, когда будет покончено со всем этим демократическим фарсом и когда наши проворовавшиеся, погрязшие во лжи политики навсегда исчезнут со сцены.

– Дай-то Бог! Дай-то Бог! Главное, Уго, чтобы все у нас получилось! – задумчиво отвечает Санчес.

Сомнения соратника бесят Уго, но он старается его подбодрить:

– Надо надеяться на лучшее. Мы победим, и настоящий народ, наши люди наконец-то получат возможность пользоваться богатствами своей родины. Народ и армия. Вместе. Без всяких посредников.

– Народ... Главное, чтобы Господь помог народу понять и оценить нашу самоотверженность, чтобы народ поднялся наконец и вместе с нами выступил против общего врага!

– Да, дай-то Бог! Но я нутром чую, что у нас все получится. Народ устал от лжи... Он пойдет за нами! – уверенно говорит Уго, стараясь убедить в этом не только собеседника, но и себя самого тоже.

Они делают еще по глотку. Потом еще по одному. И чувствуют, как ром горячит кровь, а сердце начинает биться быстрее. Правда, они чувствуют еще и тревогу и даже страх, но в первую очередь – возбуждение.

– А если мы проиграем... наступят тяжелые времена, очень тяжелые! – тихо и задумчиво рассуждает Уго. – Смерть – она всегда маячит где-то рядом. Если я погибну, не увидев исполненными наши мечты... Прошу тебя, дорогой Мануэль, тогда ты возьми в свои руки знамя и продолжи борьбу. И позаботься о моих детях.

Совершенно очевидно, что Уго Чавес, человек, умеющий ловко манипулировать чужими эмоциями, пытается укрепить дружеские отношения, связывающие его с Санчесом, но тот знает Уго с юных лет, с тех самых пор, как они вместе учились в Военной академии, и поэтому подобными трюками его не удивишь и не обманешь. Ему, например, известно, что Уго абсолютно то же самое, ну просто слово в слово, сказал и еще нескольким товарищам, в частности Анхелю Монтесу. Вот почему Санчес ведет себя так, словно не слышит просьбы Чавеса,

и старается сменить тему. А кроме того, сейчас он не желает думать о смерти – ни о смерти друга, ни о своей собственной.

Уго меняет тон:

– Ладно, не обращай на меня внимания, Санчес, все это ерунда, пустые слова. Никто из нас не погибнет, все будет сделано как надо. Мы с тобой станем управлять страной. И дадим народу все, что ему нужно.

Но оба знают, хотя предпочитают не говорить об этом вслух, что есть веские причины, мешающие слепо верить в успех задуманного ими переворота. Враг силен и имеет мощные средства защиты, а заговорщики не могут похвастаться ни многочисленностью, ни хорошей организацией, хотя своих сторонников заставили поверить в обратное. К тому же они не исключают, что в их движение внедрились верные правительству офицеры, а кроме того, боятся, как бы некоторые участники не пошли на попятный, едва вокруг засвистят пули. Но лучше такие вещи не обсуждать. Слишком поздно бить тревогу.

В казармах других городов солдаты уже строятся. Они во всю глотку скандируют лозунги и клянутся Господом Богом и Боливаром, Родиной и своей честью, что пойдут до конца. Но на самом деле мало кто знает, что именно затевается в стране. Ясно одно: нечто небывалое уже происходит или вот-вот произойдет.

Два товарища по борьбе подливают себе рому, потом Уго пылко и с оптимизмом произносит тост:

– Как сказал Боливар, если взяться за дело с умом, все получится как надо!

Добро пожаловать, сеньор президент!

На улицах столицы моросит безобидный дождик. Учреждения и магазины уже начинают закрывать свои двери, и люди расходятся по домам. Машины и автобусы двигаются вперед с черепашьей скоростью, то и дело застревают в пробках. Выпуски новостей не сообщают ничего примечательного. Обычный понедельник, который мог бы так и остаться одним из самых рядовых в истории страны. И мало кому известно, что тем вечером довольно странная группа, состоявшая из ста пятидесяти бейсболистов, явилась в Военный музей Каракаса. Впечатление такое, что сборище носит исключительно спортивный характер. Но нет. Едва выйдя из автобусов, “спортсмены” разоружают охранников музея и заключают под стражу. Из трех автобусов начинают выгружать винтовки, ящики с боеприпасами, откуда-то извлекаются черные полумаски и нарукавные повязки цветов национального флага. Бейсбольная форма быстро меняется на военную, а на большой площадке перед музеем разворачивается легкая артиллерия. Оттуда виден исторический дворец Мирафлорес, он находится на расстоянии не более двух километров. Дворец – символ государственной власти.

У музея стоит камуфлированная боевая машина, которая сейчас служит импровизированным командным пунктом. Полковник Мануэль Санчес, руководящий как раз тем отрядом, что ближе остальных подошел ко дворцу, торжественно объявляет своим подчиненным:

– Друзья! Сегодняшний день для нас еще очень долго не закончится. Нам предстоит как терпеливое ожидание, так и решительные действия. Двести офицеров и больше двух тысяч солдат должны включиться в операцию по всей стране одновременно, но ориентироваться они будут на нас. С этого часа все мы – единое целое. И судьба у нас будет общая. Родина надеется на вас! – Следом полковник провозгласил священный лозунг: – Боливар!..

– Слава Боливару! – подхватывают удивленные его словами солдаты, но при этом все чувствуют большой подъем.

Многие только теперь и узнают, с какой целью их на самом деле привезли в Каракас. В большинстве своем это бедняки из сельских районов, которые первый раз оказались в столице.

По всему городу рассредоточены небольшие гражданские отряды, поддерживающие заговорщиков. Эти люди получают оружие из рук военных: винтовки, пистолеты-пулеметы, иногда ручные гранаты. Но в очень ограниченном количестве.

Между тем по радиотелефону приходят сообщения от всех участвующих в заговоре командиров – они докладывают, что заняли заранее намеченные позиции. Уго входит в музей. Он ищет одиночества, ему трудно справиться со страшным волнением, которое охватывает его при мысли о том, что должно произойти в ближайшие часы. Он разговаривает сам с собой, стараясь взять себя в руки. Застывает перед зеркалом. Снова и снова поправляет шарф и красный берет десантника, улыбается, приняв позу победителя. И при этом искренне чувствует, как дух Боливара вливается в его жаждущую свободы и справедливости душу.

В двадцати километрах от музея расположен международный аэропорт, где должен приземлиться самолет с возвращающимся на родину президентом. С ближайшего холма полковник Анхель Монте, еще один из руководителей мятежа, в бинокль ночного видения наблюдает за посадочной полосой. Кроме того, у него есть возможность по радио слушать переговоры между командно-диспетчерским пунктом и теми самолетами, что взлетают или идут на посадку. Он сообщает своим товарищам:

– Президентский самолет только что попросил разрешения на посадку. Пока все идет по плану. Приготовьтесь и ждите моего приказа, чтобы двинуться в сторону аэропорта.

За несколько минут до посадки Карлос Андрес Перес с озабоченным видом, но совершенно спокойным голосом обращается к сопровождающим его людям:

– Друзья, я не хотел ничего говорить заранее, чтобы не испортить вам полет. Так вот, мне сообщили, что в стране пытаются устроить военный переворот. В ближайшие часы нас ждут тяжелые испытания.

Самолет без проблем приземляется, и как только открывают дверь, в салон входит министр обороны в сопровождении нескольких генералов. Нервно оглядываясь по сторонам, он докладывает президенту, что мятежникам удалось вывести из нескольких казарм вооруженных солдат вместе с техникой. Волнения замечены также в паре городов в провинции. Но ни о какой победе путчистов пока говорить не приходится. – К счастью, лишь немногие части поддержали мятеж. Элитный дивизион надежно обеспечивает безопасность аэропорта. Через несколько минут он будет оцеплен верными нам солдатами, все входы и выходы окажутся под контролем. Авиация и дворцовая охрана на нашей стороне. – Министр делает паузу и заканчивает свою речь с усмешкой, но твердо: – Добро пожаловать в Венесуэлу, сеньор президент!

Всего несколькими минутами раньше подполковник Монтес приказал своим людям выдвинуться к аэропорту, арестовать Переса, вывести его из самолета и сразу же доставить в заранее подготовленное для этого секретное место, где и предполагалось его содержать. Приказано было также уничтожить всякого, кто попытается помешать осуществлению этого плана. Но там, внизу, происходит нечто странное, отчего у Монтеса глаза лезут на лоб.

– В чем дело? – Он видит то, чего никак не ожидал и не должен был увидеть: десять бронемашин выстраиваются вдоль посадочной полосы. Верные правительству военные занимают позиции.

– Проклятье!.. – кричит Монтес, предчувствуя, что все летит к черту. – Я приказываю арестовать Переса, захватить его во что бы то ни стало!

У трапа самолета уже стоят лимузины и вездеходы, в них садятся сопровождающие президента лица и охрана. Сотни солдат оцепили аэропорт, а также периметр вокруг самолета. Президент спускается по трапу и садится в черную машину без опознавательных знаков. Машина срывается с места, за ней следуют легкие грузовики с солдатами и охраной. Кортёж выезжает на шоссе, ведущее в Каракас. Но куда на самом деле направляется президент?

– Товарищи, объект от нас ушел, – сухо сообщает Монтес по радио офицерам, командующим боевыми отрядами. – Двигаюсь к вам с подкреплением. Жду инструкций. Куда я должен привезти своих солдат? – Ответа нет. – Товарищи, товарищи!

Тем временем мятежники, занявшие позиции во дворе Военного музея, с тревогой узнают, что дворцовый гарнизон готовится дать им отпор. Уго Чавес наблюдает за Мирафлоресом, используя телескопическую насадку ночного видения. Он замечает там непонятное движение, танкетки, переезжающие с места на место, силуэты людей – солдат и офицеров.

– Товарищи, у нас плохие новости, – повторяет Анхель Монтес из аэропорта. – Объект от нас ушел!

Разгневавшись на Господа Бога и на весь мир, Уго приказывает:

– Мы арестуем его в резиденции. Окружайте резиденцию!

Солдаты безропотно подчиняются, и очень быстро мятежные войска, которые отличаются трехцветными нарукавными повязками, перемещаются на другой конец города и окружают резиденцию президента. Они ждут приказа, чтобы начать штурм. Отряд, состоящий из восьми стрелков, маскируется в ближнем парке за деревьями и скамейками. Часовой с высокой сторожевой будки замечает подозрительное движение и засекает мятежников. Он хватается за рацию.

Президентский кортеж несется по пустынным улицам Каракаса. В одном из лимузинов едут вместе Перес и министр обороны, министр говорит:

– Мы доставим вас прямо в резиденцию. Там находятся сейчас ваша супруга и вся ваша семья. Охрана осталась нам верна.

Но президент возражает:

– Нет! Мы едем во дворец. Власть сосредоточена там, там я и должен сейчас быть.

Кто всем этим руководит?

Резиденция и ее окрестности превращаются в поле боя, там льется кровь. Президентская охрана, усиленная полицией и другими силовиками, пытается отбить атаку путчистов. Кажется, в этом сражении задействованы все виды оружия. Грохочут минометы и гранатометы, слышны пулеметные очереди.

Люди, живущие поблизости, прячутся кто куда может. Многие звонят на радиостанции и в телецентры, и там немедленно начинают транслировать пугающие звуки перестрелки.

“Группы военных атакуют резиденцию президента и другие объекты, но мы не знаем, ни кто участвует в штурме, ни кто всем этим руководит. У нас также нет информации, где в настоящее время находится президент Республики”, – лихорадочно повторяют комментаторы в экстренных выпусках новостей.

В самой резиденции первая дама, ее дочери и внуки, а также обслуживающий персонал стараются отыскать наиболее безопасные места. Многие просто ложатся на пол – ничего лучше они придумать не могут. Среди солдат, полицейских и obsługi резиденции есть раненые. Появились и первые убитые. Все страшно напуганы.

Если бы президент приехал в резиденцию, как ему советовал министр обороны, живым бы он оттуда не вышел. Зато теперь его кортеж без всяких затруднений достиг дворца Мирафлорес. Миновав внутренние дворы и лабиринт коридоров, Перес вместе с помощниками и охраной спешит в свой кабинет. Навстречу им попадают офицеры, солдаты и вооруженные гражданские лица, готовые защищать дворец. Вот-вот вступят в бой и танкетки. Президент на глазах молодеет от прилива адреналина, он ни на миг не теряет присутствия духа. Держится решительно и энергично.

Мануэль Санчес, занявший со своими людьми намеченные позиции на улицах, прилегающих ко дворцу, видел прибытие президентского кортежа. Он по радио связывается с товарищами и сообщает, что Перес находится во дворце и что сейчас начнется штурм. Санчес собирается отдать приказ, но все никак не решается сделать это. Беда в том, что для штурма требуется гораздо больше солдат, чем имеется в его распоряжении. При этом он знает: нужные люди есть у Чавеса, к тому же они лучше подготовлены и лучше вооружены. Кроме того, Уго находится совсем близко – в Военном музее. Можно было бы нанести удар по дворцу с разных флангов и постараться окружить его. Санчес приказывает солдату с рацией срочно соединить его с Чавесом.

Но Чавес не отвечает. Пока его товарищи готовились к атаке, он решил воздать почести “своему” генералу Симону Боливару. В полевой форме, с оружием в руках он потихоньку ускользнул от остальных и вошел в один из залов Военного музея. Закрыв за собой дверь и включил свет. Зал был заполнен большими картинами, воссоздающими великие битвы Войны за независимость против испанской империи. Уго поразило то, насколько точно образы бывших сражений накладываются на бурлящие в его голове мысли о том сражении, которое должно вот-вот начаться. Его трясет от волнения. Подобного духовного откровения он еще никогда не испытывал. Чавес ощущает себя прямым участником баталлий, случившихся два века назад. Он и Боливар – главные их герои. Уго вышагивает по залу, высоко подняв голову и выпятив грудь колесом. Он чувствует свою неразделимую близость с величайшим из всех людей на земле. На самом деле они двое, Чавес и Боливар, – единое целое. И это проявляется во многом, очень во многом.

Вдруг Чавес опять начинает слышать доносящиеся с улицы выстрелы, взрывы, крики и приказы. Всего в нескольких кварталах отсюда, у ворот дворца, восставшие ведут бой. Люди с той и другой стороны падают и умирают.

Подполковник Санчес решает, что ждать больше нельзя, и отдает приказ о начале штурма. Сам он находит укрытие за вездеходом. Но ему сразу же становится очевидно то, что он, если говорить честно, и так уже знал и чего боялся: его парни, его солдаты, как и офицеры, не обладают нужным опытом, чтобы одержать победу в подобной тяжелой операции. Они явно терпят поражение. Санчес видит, как некоторые впадают в панику и не могут двинуться с места. Он приказывает своим людям отступить – необходимо отвести их подальше от дворца. Но положение путчистов становится и вовсе безнадежным, когда появляется танкетка сторонников правительства. Санчес попал в западню. Он подползает к солдату с рацией и уже в который раз в бешенстве спрашивает: – Где, черт возьми, Уго? Без его людей у нас здесь ничего не получится.

Тем временем президентский кабинет сотрясается от взрывов и выстрелов.

– Надо идти в бункер. Я отвечаю за вашу безопасность, президент, – говорит министр.

– Нет, ни в коем случае, – отвечает тот. – Они хотят меня арестовать, но я не доставлю им такого удовольствия. У меня есть другой план, генерал: сейчас нам следует выбраться отсюда, а уж потом мы сумеем с ними покончить.

Снаружи подполковник Санчес снова кричит:

– Куда пропал Уго, разрази его гром? Почему он не начинает атаки? Ведь мы с ним обо всем четко договорились!

Но Чавес не может атаковать дворец, потому что по-прежнему стоит перед портретом Симона Боливара, переживая полное духовное слияние с Освободителем. Потом Уго по-военному отдает ему честь со словами:

– Клянусь вам! Клянусь Богом моих родителей...

Но глаза Боливара остаются равнодушными, он никак не реагирует на пылкую речь своего обожателя.

Радист упорно добивается соединения – но все его усилия напрасны. Уго Чавес все еще недоступен. Санчес видит, как башенка у танкетки начинает вращаться, готовясь поразить цель. Кучка мятежников прячется за вездеходом, они в отчаянии стреляют. Но пули верных правительству солдат продолжают крушить восставших.

Президент Перес идет по дворцу во главе свиты, состоящей из министров и охраны.

– Я знаю этот дворец как свои пять пальцев, – говорит он и указывает путь остальным.

Группа следует по лабиринту коридоров, по лестницам, проходит через посты охраны и бронированные двери, иногда оказывается в плохо освещенных помещениях.

– Сюда! Быстро! – командует президент, и все покорно, не теряя времени даром, подчиняются ему.

Правда, никто не знает, куда он их ведет. Но наконец беглецы попадают в тайный переход, который упирается в дверь заброшенного гаража, где группу ожидают несколько машин с включенным двигателем. Начальник президентской охраны, начавший работать с Пересом еще будучи молодым полицейским, уже находится там и, по всей видимости, успел все как следует подготовить.

Недалеко от дворца, в музее, Уго по-прежнему пребывает в глубокой задумчивости и разговаривает сам с собой, вернее, разговаривает с Боливаром:

– Надо порвать цепи, избавиться от власти испанцев... нет, не от власти испанцев, а просто порвать цепи власти...

Уго погружен в транс. Но тут появляется группа вооруженных людей. Они спешат к нему. Это его подчиненные. На их лицах читается удивление.

– При всем нашем уважении, команданте Чавес... Сейчас не время для... – говорит один из офицеров.

– наших товарищей окружили, им нужна помощь! – в тревоге добавляет другой.

– Окру... окружили? – Уго вроде бы начинает возвращаться к реальности.

– Мы должны немедленно начать атаку! – настаивает тот же офицер, при этом у него дрожит подбородок.

И в тот же миг от взрыва обрушивается одна из стен. Верные президенту войска теперь окружили и музей. Подполковнику Чавесу кажется, что сейчас он похож на Боливару во время битвы при Карабобо³. Но сам стрелять Уго не решается и отходит в безопасное место. Огонь снаружи не прекращается. Стоящие рядом с Уго офицеры пытаются отстреливаться.

– Занять позиции! Огонь! – кричит Уго словно в бреду, словно он так и не покинул далекие времена, куда мысленно успел улететь.

Не прекращая стрелять, офицеры с изумлением поглядывают на него, они не понимают, в чем дело: подполковник ведет себя более чем странно.

– Боливар смотрит на нас!.. Боливар вдохновляет нас и ведет вперед!.. – лихорадочно выкрикивает Уго. И пытается встать под пули. Один из солдат почти силой отводит его в безопасное место. – Вот она, песнь войны! – в экстазе продолжает вещать Уго.

³ *Карабобо* — один из штатов Венесуэлы, расположенный на севере страны. В 1821 г. там состоялось сражение между испанскими войсками и армией Симона Боливару. Оно завершилось победой освободительной армии. Полностью Венесуэла, провозгласившая независимость в 1811-м, была освобождена от колониальной зависимости в 1824 г.

Поражение или нет?

Президент и его свита подходят к машинам. Мятежники потеряли много людей, но одной группе, вооруженной в том числе и несколькими реактивными гранатометами и минометами, удалось подойти совсем близко ко дворцу. Атакующие занимают позиции, чтобы начать обстрел. И тут за их спинами отодвигается плита, открывая ворота подземного гаража, о существовании которого они даже не подозревали. Оттуда на бешеной скорости вылетают автомобили. Мятежники не знают, чей это кортеж, и не успевают должным образом среагировать. Ошибку свою они понимают, только когда видят, что в самой первой машине рядом с водителем сидит президент республики. Кортеж покидает территорию дворца под взрывы, непрерывные выстрелы и крики раненых. Как ни странно, никто не собирается его преследовать. Таким образом восставшие упустили человека, за которым они в первую очередь и охотились.

Перес приказывает ехать на одну из телестудий и делает пару звонков, чтобы там подготовились к встрече и обеспечили защиту на случай атаки мятежных военных. Вереница машин заезжает в гараж телестудии, где их уже ожидают вооруженные люди.

Теперь Перес вне опасности. Чего никак нельзя сказать про Чавеса и его соратников-путчистов. Президент обращается к согражданам, сообщает им о попытке военного переворота и о том, что она провалилась. Затем призывает еще не сложивших оружие бунтовщиков сдаться, чтобы избежать новых жертв.

Незадолго до этого в Военном музее верные правительству силы уже были близки к победе. Они практически разбили путчистов. Тем не менее те продолжают сражаться и не прекращают стрельбы. И только один человек так и не воспользовался своим оружием – подполковник Уго Чавес, глава бунтовщиков. Он целиком захвачен особого рода переживаниями, словно вживую став участником давних сражений Боливара. Но одновременно Уго напуган и растерян. Он жестаами велит прекратить огонь.

– Прекратить огонь!.. Прекратить огонь!.. – кричит один из офицеров.

Правительственные войска тоже прекращают стрелять.

Уго выходит из укрытия и, гордо выпрямившись, пересекает полосу, разделяющую его сторонников и противников. Судя по всему, главу мятежников одолевают самые мрачные мысли, он идет словно пьяный, с блуждающим взглядом. Идет навстречу врагу. Понятно, что он готов сдаться. Слышны долгие и пронзительные стоны раненых, сейчас эти стоны почему-то напоминают вопли голодных кошек. Операция “Самора” провалилась.

Но худшее еще только впереди.

Несколько лет спустя Уго заявит, что они проиграли из-за предательства одного из своих. Но “свой”-то знают – хотя открыто говорят об этом лишь в самом узком кругу, – что проиграли они из-за того, что главный зачинщик переворота от участия в перевороте устранился. Уго оставил их одних, так и не начав атаки.

Глава 2

Три державы

Оранжевое небо в Каракасе – предвестие скорого рассвета. А этому утру суждено войти в историю – если и не мировую, то уж точно в историю Венесуэлы. Телекамеры запечатлевают более чем красноречивые картины: трупы не только военных, но и гражданских лиц, раненых, ожидающих эвакуации, разрушенные дома и перевернутые машины. Измученные солдаты лежат прямо на земле лицом вниз.

Уго Чавеса, Анхеля Монтеса и других руководителей мятежа под надежным конвоем доставляют в штаб. Чавес, еще совсем недавно стоявший во главе хорошо вооруженных людей, теперь выглядит совершенно раздавленным. Победители смотрят на него с презрением. Он сидит, низко опустив голову, зажав между коленями сцепленные кисти рук, и слушает генерала, начальника военной разведки. Генерал пересказывает ему то, о чем говорил президент в своем обращении к гражданам страны: правительство предотвратило подлую попытку военного переворота, направленного на свержение власти, законно избранной народом. Осталось еще несколько очагов сопротивления, но мятежникам уже не на что надеяться, хотя некоторые из них не желают сдаваться.

Потом генерал объявляет Чавесу, что теперь возможность выступить публично дадут и ему самому как главе путчистов. – Послушай меня, Чавес, ты, будучи офицером, возглавил совершенно бессмысленный, заранее обреченный на провал мятеж. И теперь ты просто обязан сделать все, чтобы остановить кровопролитие. Возьми и прочитай вот это! – Генерал передает ему бумагу, продолжая наставлять не терпящим возражений тоном: – Ты предстанешь перед телекамерами, транслировать в прямом эфире твое заявление будут все радиостанции и телеканалы страны. Ты прочтешь этот текст, признаешь, что вы потерпели поражение, а потом обратишься к тем, кто еще не сложил оружие, и призовешь их сдаться. Ты все хорошо понял? Это приказ.

– Да, господин генерал! – покорно отвечает Уго.

– Не слышу! – кричит генерал, наклонившись совсем близко к лицу Чавеса.

– Да, господин генерал! – тоже кричит ему в ответ арестованный.

– И хорошенько запомни, – продолжает тыкать Чавесу генерал, и в голосе его звучит угроза, – ты сделаешь то, что я тебе велю. Прочитаешь слово в слово написанное здесь, вот в этой бумаге. И не вздумай со мной шутки шутить, потому что, если ты позволишь себе какой-нибудь фокус, пуля, которой ты избежал нынче на рассвете, непременно тебя догонит. Ты хорошо меня понял?

– Да, господин генерал, я все понял.

Чавес выглядит подавленным, полностью осознавшим свое поражение, он внимательно, молча проглядывает текст, который явно не вызывает у него энтузиазма. Несколько минут спустя его ведут в холл, превращенный сейчас в импровизированную телестудию и битком набитый журналистами с микрофонами и камерами. Чавеса окружают верные правительству военные, которые после бессонной ночи еле держатся на ногах. Микрофон берет министр, он приветствует сограждан и вкратце рассказывает о событиях последних часов: – ...Мы доставили сюда, чтобы показать вам в прямом эфире, главаря провалившегося путча, подполковника...

Тут откуда-то сзади появляется человек в военной форме и надвинутом на лоб красном берете десантника. Рядом с ним стоят генералы и старшие офицеры. Для них для всех Чавес – побежденный мятежник. Но как только Чавес начинает говорить, они понимают, что недооценили его. Они видят перед собой прирожденного лидера, наделенного харизмой и умеющего

правильно воспользоваться микрофоном, чтобы обратиться к своим сторонникам. И ко всей стране тоже.

– Добрый день, дорогие сограждане. Я несу полную ответственность за то, что совершили прошедшей ночью офицеры и солдаты наших вооруженных сил, решившие оздоровить общественную мораль.

Представители власти нервно переглядываются. Пленник и не думает читать заранее написанный для него текст. Но никто не берет на себя смелость перебить его. Ведь за происходящим здесь и сейчас наблюдают миллионы людей.

– Я прошу прощения у моих товарищей по оружию за то, что не сумел должным образом выполнить возложенную на меня миссию. – Уго делает паузу. – Я обращаюсь к героям, которые до сих пор продолжают сражаться, и прошу их сложить оружие. Не нужно и дальше проливать кровь наших патриотов. Это не вы потерпели поражение, это я его потерпел и сумею достойно ответить за совершенные мною ошибки. – Он глубоко вздыхает. – Если моя скромная смерть будет способствовать тому, чтобы измученный народ Венесуэлы решился наконец заявить о своих правах перед лицом коррумпированной и бездарной системы, наша жертва окажется не напрасной. Будущее за теми, кто пойдет вместе с народом! Вы навсегда останетесь в нашей истории, даже если сам я умру, потому что корни мои – это вы... Я – это вы! Возможно, сегодня нас одолели, но отнюдь не победили, потому что наша борьба не закончилась. К несчастью, цели, которые мы перед собой поставили, не были достигнуты... Пока не были достигнуты.

Миллионы венесуэльских телезрителей – начиная с президента, его жены, дочерей, министров и заканчивая мятежными военными, уже арестованными и развезенными по казармам, – услышали это решительное “Пока не были...”, которому суждено изменить судьбу страны.

Слышит Чавеса и Клара, его бабушка, по-прежнему живущая в своем убогом домишке в Баринасе. Она не может сдержать слез. Хотя сама не знает, почему плачет – от страха за своего маленького Уго, которого наверняка ждут тяжелые испытания, или от гордости за него – ведь не у всех есть такой внук, как у нее. Слышат его родители и братья с сестрами – взволнованные и испуганные. Слышат женщины, которых он когда-то целовал. А таких немало. Слышит бывшая жена Флора. И трое маленьких детей. Слышат школьные учителя. Товарищи по Военной академии. Деревенские друзья, с которыми он играл в бейсбол. Вся страна затаив дыхание с изумлением слушает речь подполковника Чавеса. Те, кто был с ним знаком до попытки переворота, и миллионы соотечественников, понятия не имевшие о его существовании, теперь почувствовали огромный интерес и к этому харизматичному человеку, и к его очень доходчивым словам.

Однако еще больше поразило зрителей другое: перед ними был политический лидер, признавший свою ответственность за провал организованного им же самим дела. На такое до сих пор мало кто мог отважиться. Обычно политики стремятся почаще мелькать на телеэкранах и напыщенным тоном произносят обкатанные фразы, соревнуясь с героями сериалов, то есть с выдуманными героями, которые публике при этом кажутся более искренними, чем те, кто на самом деле управляет страной.

– Вот человек, умеющий говорить просто и ясно! – воскликнул молодой парень, уставившись в телевизор вместе с дюжиной других клиентов магазина бытовых электроприборов. – А какой смелый! Именно такие мужчины мне нравятся! – вторит ему восьмидесятилетняя сеньора под дружный смех окружающих.

Но никто не наблюдает за Уго с большим интересом, чем руководители трех всесильных организаций, которые попытаются подогнать под нужный им шаблон как судьбу мятежного офицера, так и будущее всей его страны. Сидя в гаванском кабинете, Иван Ринкон и Раймундо Гальвес озадаченно и восторженно слушают выступление молодого подполковника, пока тот с неподдельной искренностью ратует за социальную справедливость.

– Уже несколько десятилетий мы не получали из Венесуэлы новости лучше этой, – говорит Гальвес. – Чавес – наш человек. Он смотрит на вещи так же, как и мы.

– Это точно, – соглашается с ним Иван.

Но еще сильнее были озадачены услышанным Кристина Гарса и Оливер Уотсон, которые сидят в оперативном штабе в здании ЦРУ и следят за происходящим вместе с командой, куда входят аналитики, разведчики, военные и дипломаты. Все они пребывают в растерянности, поскольку никто из них не может понять, что же все-таки случилось в Венесуэле. По мнению Уотсона, выступление Чавеса, по сути, подтверждает его подозрение: за попыткой недавнего военного переворота стоят кубинцы. Но никаких доказательств у него нет. И вообще, толком никто ничего не знает.

– Отсюда, из Лэнгли, эту загадку мы не разгадаем, тут нам не помогут никакие электронные устройства. Нужно гораздо больше *Humint*, то есть агентурных данных. Без достоверной агентурной информации мы никогда не поймем, что там на самом деле творится, и не сможем принять адекватные решения, – продолжает Уотсон, воспользовавшись жаргоном ЦРУ при упоминании о *Human Intelligence*, то есть об информации, добытой непосредственно людьми. Разведчиками.

Сидя в своей роскошной камере, устроенной в тюрьме “Ла Куэва”, Первый Пран⁴, которого все называют просто Праном, сразу же предсказал, что потерпевший поражение подполковник, который выступает сейчас по телевизору, станет президентом Венесуэлы. Пран – “узник”, но из тюрьмы он управляет огромной криминальной империей. Столь высокого положения он достиг благодаря своей интуиции, а она нашептывает ему сейчас: человек, говорящий с экрана, не только станет следующим президентом страны, но это еще и та фигура, которой не хватает ему, Прану, чтобы его организация осуществила задуманные им амбициозные планы. – Этого бунтовщика я хочу на некоторое время видеть здесь, надо немного над ним поработать, – громко говорит Пран, изобразив на лице улыбку.

⁴ *Пран* (исп. *Pran*) – на уголовном жаргоне в Венесуэле так называют заключенного, которому принадлежит реальная власть в тюрьме.

Горючее для революции

В течение нескольких недель Ивана Ринкона преследовало саднящее чувство, что он сильно прокололся. И нетрудно было понять, с чем это связано. Как иначе объяснить нынешнюю его ситуацию? Ведь Иван много лет подряд руководил самыми успешными разведывательными операциями на разных континентах, а теперь его заставляют сидеть в маленьком кабинете в главном офисе G2. Короче, происходит нечто странное.

В ночь, когда была совершена попытка государственного переворота, Гальвес заявил ему: он хочет, чтобы Иван приступил к работе в самой Венесуэле – и приступил как можно скорее. Но потом стал тянуть с окончательным решением этого вопроса.

Когда Иван спрашивал его об этом напрямую, Гальвес уходил от ответа и отделялся весьма неопределенными обещаниями. Понятно, что он переменял свое мнение, но Иван не понимал почему. Кроме того, Ринкону было известно, что Гальвес проводит совещания, посвященные ситуации в Венесуэле, но Ивана на них не приглашает, а это выводит того из себя. Никто не знает больше Ринкона об этой стране, ее правительстве, политиках и тех людях, которые реально там всем руководят.

Но Иван – профессионал и понимает: невзирая на обстоятельства, он должен по-прежнему выполнять свою работу. “Скоро все прояснится, – говорит он себе. – А когда прояснится, наверняка именно меня выберут, чтобы возглавить операцию, которую, вне всякого сомнения, кубинское правительство должно развернуть в Венесуэле, чтобы взять инициативу в свои руки”. Поэтому Иван все свое время отдает руководству сетью агентов и информаторов, которые у него есть в Венесуэле, и расширению этой сети. Он анализирует цепь событий, предшествовавших мятежу, изучает географические карты и биографии самых разных людей. Кто такой Уго Чавес? А другие главные действующие лица? Кто стал их союзником внутри страны и за ее пределами? Но далеко не все, что нужно, можно сделать, сидя в Гаване. Ринкону необходимо попасть в Каракас.

Как всегда в трудные моменты, Иван ищет утешения и совета у отца – легендарного представителя кубинской военной элиты, которого все называют просто Генералом. Когда Иван был ребенком, его мать покинула Кубу с испанским бизнесменом, оставив мужа и сына на острове. Именно тогда отца и мальчика связали крепкие узы, основанные на уважении, взаимном восхищении и огромной любви. А еще – на недоверии к женщинам. Хотя Иван был мужчиной очень привлекательным и, что называется, неисправимым донжуаном, он никогда не позволял себе по-настоящему влюбиться ни в одну из красавиц, с которыми встречался и продолжает встречаться. Ему доставляет большое удовольствие сам процесс обольщения и завоевания намеченной добычи. Однако уже очень скоро он заставляет себя искать следующий объект. Любовь – это не для него. Вот такое наследство оставила ему матушка.

Навсегда отравленный болью и унижением после измены жены, Генерал пытался таить свои переживания и всю жизнь посвятил одной цели – подготовке Ивана к роли достойного продолжателя семейного дела, защиты Революции. Генерал никогда не скрывал желания видеть Ивана одним из лидеров в маленьком кругу тех, кто правит островом. Поэтому он помог сыну получить нужное образование, потом – сделать карьеру. Это было похоже на подготовку спортсмена, призванного стать победителем мировых чемпионатов. Иван не разочаровал Генерала. Напротив, успехами сына Генерал мог гордиться, что отчасти смягчало тяготы болезненной и очень одинокой старости.

Сорок лет назад, будучи молодым лейтенантом-идеалистом, он в составе одного из отрядов добровольцев-партизан прошел насквозь венесуэльские горные районы, сражаясь одновременно с сорока двумя видами ядовитых змей, национальной армией Венесуэлы и с кубин-

скими чиновниками, которые не выполняли своих обещаний. Партизаны так и не дождались отчаянно нужного им подкрепления, боеприпасов и медикаментов. Они мечтали свергнуть венесуэльское правительство, а затем установить режим, основанный на принципах, схожих с теми, что исповедовались на Кубе. Отец Ивана руководил незабываемой операцией, развернутой на побережье у Мачурукуто в 1967 году, когда кубинские солдаты высадились на венесуэльское побережье, но попали в засаду, устроенную правительственными войсками, и были взяты в плен. Не один раз в течение последующих лет кубинские лидеры пытались поднять в Венесуэле народное восстание и развязать партизанскую войну, которая могла бы привести к смене власти и установлению режима, похожего на кубинский, но им пришлось признать свое поражение. “В Венесуэле еще не сложились условия, в которых могло бы вспыхнуть пламя социализма” – такими словами заканчивался предназначенный для узкого круга лиц отчет, где делалась попытка проанализировать ситуацию и оправдать совершенные ошибки. Отцу Ивана та история помогла по крайней мере в одном: он очень хорошо уяснил себе, какое огромное значение может иметь эта южноамериканская страна для будущего Кубы: ведь там имелась нефть.

За несколько дней до военного мятежа, когда всем еще казалось, будто в Венесуэле царят тишина и покой, Иван решил поговорить с отцом и в очередной раз объяснить ему, что его карьера застопорилась и не сдвинется с места, пока руководство G2 будет держать его ответственным за это направление. – Там никогда ничего не произойдет, папа. В Венесуэле разведчикам моего класса делать нечего. Мой опыт там не пригодится. Будь это хотя бы задание, связанное с выполнением интернационального долга, как то, что в свое время тебе самому было поручено в Африке... Сейчас для меня Венесуэла – не более чем кабинетная работа. Меня просто “законсервировали” бог знает на какой срок.

– Необязательно всюду искать только риск и адреналин, – ответил ему отец. – Революции служат там, где она прикажет. – А я еще раз тебе говорю: на мой взгляд, Венесуэла для нас – пустая карта. Мне кажется, она никогда не войдет в число социалистических стран, – возразил Иван.

– Поверь, тебя приберегают для чего-то важного, сын, – стоял на своем Генерал. – Подумай хорошенько, черт тебя побери! Венесуэльская нефть – это то горючее, которое необходимо для революции на латиноамериканском континенте. Тебе этого мало?

Но тут вдруг, ни с того ни с сего, в Венесуэле кто-то попытался устроить переворот – и ситуация решительно переменилась. В стране, где ничего не происходило, стало происходить очень много разных событий. Однако Ивана начальство держало в стороне от этого дела. Он не знал, что и думать. Не знал, с чем связано такое отношение: то ли с какими-то собственными его ошибками, то ли с ошибками отца. Неужели кто-то решил поквитаться с Генералом, испортив карьеру его сыну? Иван был уверен, что шефам не нравились ни его смелость, ни та независимость, с какой он обычно действовал за границей. За склонность к рискованным поступкам ему не раз устраивали выволочки. Начальство усвоило, что когда задание дается Ивану, это будет стоить больших денег и большой нервотрепки, зато и успехи его, хотя и оставались тайной для широкой публики, были очевидны. Именно Ивану G2 было обязано важнейшими достижениями в Латинской Америке, Европе, Африке и даже в Соединенных Штатах. Репутацию свою он, безусловно, заслужил.

Но в то же время Ринкон прекрасно понимал, что тот образ жизни, который он ведет, сильно ему вредит. Аскетизм истинных революционеров – это не для него. Иван любит женщин, любит роскошь, что делает его легкой мишенью для критики, но он все равно не готов ни от того ни от другого отказаться. Ну, от роскоши, может быть, и отказался бы, но от женщин – никогда.

Однако есть и более серьезная проблема: Иван Ринкон не до конца уверен, что безоговорочно предан семейству Кастро. Да и Генерал не сумел сохранить с кубинскими вождями

такие же хорошие отношения, какими они были раньше. Что-то произошло между Фиделем и Генералом, но что именно, Иван не знал. Хотя то, что они отделились друг от друга, было очевидно. Возможно, именно это повлияло на отношение многих высокопоставленных лиц и руководства G2 к Ивану, особенно на отношение к нему Гальвеса. Однако вряд ли можно только этим объяснить решение не привлекать сейчас к делу лучшего из кубинских агентов, который к тому же занимался в последнее время именно Венесуэлой. И вот однажды днем в кабинете Ивана появился Генерал. Он был сильно расстроен. И с особым значением глядя в глаза сыну, почти шепотом сообщил:

– Готовь чемоданы. Я сделал то, чего до сих пор старался никогда не делать: пожаловался на своего лучшего друга. Только ни о чем меня не спрашивай. Сейчас главное – чтобы ты добился успеха и обеспечил нашу страну венесуэльской нефтью. И пожалуйста, будь осторожен.

Не сказав больше ни слова, Генерал развернулся и старческой походкой направился к двери. Иван кинулся было за ним, но отец, не оборачиваясь, лишь махнул рукой:

– Оставь, не надо. Я знаю, где тут у тебя выход. Займись лучше делами.

Уже через несколько часов Иван получил приказ, которому суждено было изменить всю его жизнь.

– Если этого Чавеса не убьют, – сказал ему Гальвес, – и если он не окажется агентом янки, ты должен будешь внедриться в его ближайшее окружение и любым способом сделать нашим другом. И даже больше чем другом. Кроме того, ты должен поставить заслоны действиям ЦРУ. В первую очередь ликвидировать человека, который руководит их операциями в Венесуэле.

На Ивана его слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы. С профессиональной точки зрения, задание было сложнейшим: перебраться в Каракас, обнаружить главного агента ЦРУ в Венесуэле и уничтожить его. Кроме того, ему предстояло расширить свою агентурную сеть и внедриться в социальные, политические и экономические круги страны. Но главное – в военную среду.

– Все будет выполнено, – уверенно отчеканил Иван.

До отъезда ему предстояло решить кое-какие вопросы. Отцу объяснять ничего было не надо, тот отлично знал, с чем будет связано внезапное исчезновение сына. Любовницам Иван сказал, что завод по производству удобрений, где он работает, отправляет его для обмена опытом на такой же завод во Вьетнам. Женщины плакали – он их утешал. И как всегда, лучше всего это у него получалось в постели.

В Каракас Иван летел из Доминиканской Республики, где “шлифовал” свою легенду, то есть вживался в новую роль и готовился стать совсем другим человеком. В самолете он смотрел в окошко. Они шли на посадку. Ринкон уже видел аэропорт и посадочную полосу, которая тянется вдоль берега недалеко от огромного горного массива.

– Что ж, готовься, Венесуэла, к тебе в гости пожаловала Куба, – произнес он беззвучно, но с большим волнением.

Кристина перестала быть Кристиной

Кристина сидит в офисе ЦРУ в Лэнгли, с головой погружившись в составление срочного отчета, где требуется хотя бы в общих чертах объяснить, кто есть кто в истории с неудавшимся переворотом в Венесуэле – начиная с подполковника Уго Чавеса. До нынешнего дня должность, согласно которой она отвечала за “венесуэльское направление”, восторга у нее не вызывала. Порученное ей дело не требовало особенного напряжения сил и вряд ли могло продвинуть хотя бы еще на одну ступеньку вверх по карьерной лестнице, как другие задания, выпадавшие на долю Кристины за годы службы – сначала на военном поприще, а затем в качестве сотрудницы ЦРУ. Она тем не менее была благодарна судьбе за то, что рядом всегда находился Оливер Уотсон, ее шеф и наставник. Именно он воспитал ее, помог овладеть самыми ценными навыками, необходимыми как на войне, так и в разведке: сперва взял в морскую пехоту, в свою элитную часть, а потом привел с собой в ЦРУ и неизменно заботился о ней как о родной дочери. Да, любил и заботился, но работа, порученная не так давно Кристине, не вызывала у нее азарта, и дух от нее не захватывало. Правда, ощущение, будто она попала в стоячее болото, было для нее не новым. Терзаться она начала еще несколько месяцев назад. Девушка хорошо себя знала и понимала, что ничего не боится так, как скуки, а кроме того, амбиции не позволяли ей спокойно и терпеливо дожидаться, пока случится что-нибудь действительно важное, что-нибудь такое, что даст ей возможность отличиться, чтобы и коллеги и начальство признали в ней лучшую в своей области.

Кристина знала, что способность оставаться незаметной не мешает ей быть очень тщеславной. На самом деле как незаметность, так и профессиональный успех защищали девушку от тех неприятностей, что преследовали ее с самого детства. И хотя прежние опасности ей уже не угрожали, ее продолжали мучить вполне реальные страхи. А успех всегда становился противоядием от этих страхов.

Однако ни коллеги, ни друзья ни о чем таком не догадывались. Люди считали Кристину сильной, умной и храброй. И совершенно неукротимой. Именно неукротимое тщеславие было причиной ее недовольства нынешней работой. Но дело было не в ЦРУ, этой организацией она восхищалась, дело было в Венесуэле, стране, которая казалась Кристине невероятно скучной. И девушка делала все, что только можно, чтобы ей дали другое, более трудное, задание. Нет, ей вовсе не хотелось вновь участвовать в настоящей войне, вновь оказаться на поле боя – такое она уже испытала в Панаме, с нее хватит. Но ведь должно же существовать что-нибудь более интересное и более полезное для карьеры, чем сидение за письменным столом и составление отчетов по ситуации в стране, где “никогда ничего не происходит”. Кроме того, агенты, мечтавшие заработать дополнительные очки, знали: сейчас начальство обращает внимание и отличает в первую очередь тех, кто занимается Ближним Востоком или Азией, но уж никак не Латинской Америкой. “Пусть переведут меня на Иорданию, Пакистан или Китай – только бы избавиться от Венесуэлы”, – не раз просила Кристина Уотсона, однако все разговоры такого рода оказывались безрезультатными.

Проходили месяцы, и разочарование пустой и незначительной, на ее взгляд, работой вгоняло Кристину в депрессию. При этом депрессию подпитывала еще и тайная связь с сенатором Бренданом Хэтчем, которого она вроде бы любила и который говорил, что любит ее, хотя по-прежнему отказывался уйти от жены и сделать их роман явным. Иными словами, отношения их были зыбкими и приносили ей сплошные переживания.

– Поверь мне, детка. Все переменится к лучшему. Поговори еще раз с шефом и убеди его, что тебе необходимо заняться чем-то другим, – советовала мать во время их последнего телефонного разговора.

Мать считала, что Кристина работает в Министерстве сельского хозяйства в Вашингтоне. И только ближайшие друзья знали, что ее нынешняя служба связана с разведкой. По мнению матери, депрессия Кристины объяснялась зимним временем, разочарованием в работе и одиночеством. Не оставив без внимания совета матери, Кристина уже через несколько дней после попытки военного переворота в Венесуэле, обедая с Уотсоном в кафе, воспользовалась случаем, чтобы снова завести речь о своих терзаниях:

– И все-таки... Когда ты наконец избавишь меня от Венесуэлы? Сколько раз я жаловалась, что меня совершенно не интересует эта страна.

Уотсон посмотрел на Кристину с сочувствием, так как отлично понимал причины ее отчаянного настроения. Но в его распоряжении не было другого сотрудника, который лучше бы подходил для этого направления. Поэтому он и не хотел снимать Кристину с Венесуэлы. Уотсон всегда получал удовольствие от разговоров со своей подопечной и восхищался ее умением мгновенно уловить суть проблемы и собрать нужную информацию, он ценил ее знание истории и способность применять свои способности при разработке конкретных планов.

– Но ведь ты сама мне говорила, что политическая ситуация там становится все более сложной. Так что же, по-твоему, там произойдет? – спросил Уотсон.

Кристина ответила не задумываясь:

– В Венесуэле люди с пеленок уверены, что они богачи, потому что в стране много нефти. А коль скоро нефть является собственностью государства, значит, она принадлежит всем. Но на самом деле большинство населения живет в бедности. Процветает коррупция, хотя не в ней основная причина бедности, а в неумелой экономической политике властей. Но об этом никто не задумывается. Венесуэльцы хотят одного – чтобы им отдали их часть богатств. Они не желают мириться с противоречивой ситуацией, и каждый рассуждает так: “Страна у нас богатая, и поэтому я тоже должен быть богатым. Однако в действительности я почему-то остаюсь бедным”. Значит, “мое” кто-то ворует. Но когда подобное убеждение овладевает массами, оно становится политической бомбой замедленного действия, – подвела итог своему пониманию ситуации Кристина.

Уотсон выслушал ее недоверчиво и тотчас напомнил, что Венесуэла дольше других стран Латинской Америки живет при демократическом строе и не страдала от жестоких военных диктатур, как Аргентина, Бразилия, Чили и другие государства континента. Да, но, по мнению Кристины, это вряд ли может защитить Венесуэлу от внезапных перемен, способных дестабилизировать установленный порядок. Она упомянула о низких ценах на нефть, о том, что правительство вынуждено снова и снова урезать бюджет, и о том, как непопулярны у населения такого рода маневры.

– Люди, то есть “народ”, живут плохо, именно поэтому там много недовольных. И ситуация только ухудшится после принятия жестких экономических мер. Кто знает, чем это закончится!

– Ну а военные, что они? – спросил Уотсон. – Насколько мне известно, это был первый военный мятеж за последние сорок лет.

– Ты прав, первый, – ответила Кристина. – Создается впечатление, что демократия пустила в стране глубокие корни. Да, среди населения есть недовольные, но те политики и аналитики, с которыми мы беседовали, настаивают: нынешний строй достаточно устойчив, венесуэльцы не захотят увидеть у власти военных. Им нравится сегодняшняя демократическая власть, и они не позволят ее сменить. Все сведущие люди придерживаются единого мнения – и наши политики, и наши ученые, и независимые эксперты: никаких перемен там быть не может. А я не желаю сидеть и ждать, произойдет в Венесуэле что-нибудь серьезное или нет. Я хочу заниматься страной, где наблюдается хоть какое-то движение и которая представляет первостепенный интерес для Белого дома.

Уотсон несколько секунд смотрел на нее в упор, а потом поднялся из-за стола со словами:

– Прости, я опаздываю на совещание, увидимся позже.

После беседы с шефом Кристина осталась при своем мнении: ее нынешние обязанности, связанные с Венесуэлой, не воодушевляют ее и не зовут на подвиги, мало того, получалось, что ее профессиональные способности оцениваются в Управлении достаточно низко.

Но она ошибалась. В Венесуэле разворачивались весьма интересные события. События, о которых ей положено было бы знать, но о которых ей ничего не было известно. И в результате сейчас, после того как попытка военного переворота была предотвращена, Кристина билась над этой головоломкой и никак не могла с ней справиться. Требовалось собрать достоверную информацию о зачинщиках мятежа, их побудительных мотивах и о том, какие последствия провалившийся путч имел не только внутри страны, но и за ее пределами. Кристина не могла не признать: у шефа было достаточно причин, чтобы гневаться на нее, поскольку узнать о готовящемся военном перевороте еще до его начала было ее прямой обязанностью. Но она с ней не справилась. Прокололась. Кристина попыталась как-то исправить положение и связалась со своими агентами в Венесуэле, те стали поставлять ей информацию, но информацию неполную, скудную и пока не слишком достоверную, однако другой у Кристины не было. И вот наконец она читала самую первую из многочисленных статей, в которых рассказывалось о происхождении подполковника Уго Чавеса:

Он был вторым из шести детей в семье школьных учителей. Жили они в штате Баринас, расположенном в равнинной части страны под названием Лос-Льянос. Пятидесятые годы оказались очень трудными для семьи Чавес – Фриас. Детей было много, а денег мало. И вот однажды мать Уго, отчаявшись, уговорила его бабушку по отцовской линии, свою свекровь, взять к себе на какое-то время мальчика. Та согласилась, правда, без особой охоты, так как и сама жила почти в нищете. Однако бабка и внук полюбили друг друга. И так получилось, что в ее доме Уго провел практически все свое детство. Нет ничего удивительного в том, что бабушку он стал называть мамой.

Медленное, но ощутимое улучшение экономического положения семьи Чавес – Фриас отражало важные социальные перемены, происходившие в Венесуэле в те времена. После свержения Маркоса Переса Хименеса⁵ в 1958 году были разрешены политические партии, они-то в скором времени и стали править страной, каждые пять лет жестоко сражаясь между собой на президентских выборах. В первую очередь выгоды от неуклонно проводившейся политики социального развития получали члены двух основных партий. Родители Уго быстро это поняли и вступили в Социал-христианскую партию, благодаря чему получили хорошо оплачиваемые должности в Министерстве образования. И хотя говорить об обретении этой семьей прочной материальной базы было еще рано, беспросветная бедность осталась в прошлом. Однако улучшение условий жизни коснулось не всех в равной степени. Бабушка Клара с внуком по-прежнему еле-еле сводили концы с концами и в буквальном смысле боролись за выживание. Она готовила традиционные сладости под названием “паучки” и отправляла маленького Уго продавать их на улицах родной деревни Сабанеты. Поэтому мальчика так и прозвали – Паучник. Уго очень любил бабушку. Никогда никого он не полюбит так, как ее.

⁵ *Маркос Перес Хименес* (1914–2001) – государственный и военный деятель Венесуэлы, временный президент в 1952–1953 гг., президент в 1953–1958 гг.; установил в стране авторитарный политический режим. В 1958 г. был свергнут в результате восстания в Каракасе, поддержанного военными; бежал в Доминиканскую Республику, затем в США.

Кристина продолжала получать из Венесуэлы разрозненные сведения о Чавесе. Теперь она знала, что главные страсти в его жизни – это бейсбол, женщины и политика. Что мальчиком он был служкой в церкви Сабанеты и с тех пор остался ревностным, хотя и не слишком дисциплинированным христианином. Кроме того, все указывает на то, что Чавеса отличает переменчивый нрав. Те, кто знал его в детстве и юности, свидетельствуют: настроение Уго то и дело менялось, он мог, скажем, быть очень добрым и щедрым, а вскоре проявлял крайнюю и неконтролируемую жестокость. Кристина задумалась: не это ли явилось истинной причиной того, что мать решила отправить сына к бабушке? Также было известно, что он поступил в Военную академию, успешно ее окончил, женился на девушке из своей же деревни, у них родилось трое детей, потом Уго развелся с ней, посчитав, что ему нужно больше свободы, к тому же с женой у них было мало общего.

Кристина составила отчеты для своего шефа в надежде, что тот сможет отыскать в этих сведениях что-нибудь интересное, ускользнувшее от ее собственного внимания. Но Уотсона волновал только один вопрос: не являются ли путчисты марионетками кубинцев?

– Ты мало что сможешь узнать, оставаясь здесь. Придется тебе перебраться в Каракас. – По мере того как Уотсон подробно объяснял суть ее нового задания, у Кристины загорались глаза. – Мы, как и положено, обеспечим тебя достоверной легендой, и, естественно, все будет сделано так, что комар носа не подточит. То есть так, чтобы никто не узнал, кто ты есть на самом деле и чем занимаешься. Даю тебе на обдумывание несколько часов.

Не прошло и часа, как Кристина приняла его предложение, ведь теперь она получила задание безусловной государственной важности – таких у нее еще не было. Она должна сделать все возможное и любым способом добиться, чтобы правительство США максимально укрепило свое влияние на Венесуэлу, страну с самыми крупными запасами нефти на планете. Но первоочередная и безотлагательная ее задача – установить, кто является главным агентом кубинского *G2* в этой стране.

– Когда ты будешь уверена, что с твоей новой маской все в порядке, сама решишь, как вести дело. Учить тебя не надо, – сказал Кристине Уотсон.

Оба проиграли

После выступления Уго Чавеса по телевидению для президента Венесуэлы Карлоса Андреса Переса начался отсчет часов, ставших для него политическим кошмаром, и несколько месяцев спустя все это обернется для него потерей высокого поста. Если бы он мог хоть немного поспать в самолете, возвращаясь из Швейцарии, или немного отдохнуть, после того как объявил на всю страну о провале переворота или после того как арестовали наконец всех мятежников... Но от права на сон и отдых Перес отказался еще в тот самый день, когда стал президентом.

– Для сна мы когда-нибудь получим целую вечность, – любил повторять он своим министрам, вечно валившимся с ног от усталости.

Путч был подавлен, но президент не чувствовал себя победителем. Напротив, внезапно появившаяся на общественном горизонте неординарная фигура подполковника Чавеса словно разбудила целую страну, измученную бесконечными обманами, непопулярными экономическими мерами и коррупционными скандалами.

– Нельзя требовать от народа, чтобы он встал на защиту демократии, когда ему нечего есть, – сказал в тот же день, выступая в конгрессе, престарелый, но все еще очень честолюбивый основатель одной из оппозиционных партий. – И в итоге можно сказать, что у президента есть кое-что общее с тем военным, который попытался его свергнуть: они оба проиграли – один в качестве путчиста, другой в качестве президента.

Но и Чавесу пришлось нелегко. “Если мы потерпим поражение, наступят очень тяжелые времена”, – вспоминал он теперь собственные слова, сказанные Санчесу, своему другу, погибшему в бою. И действительно, сидеть в тюрьме было тяжело. Как тяжело было и смириться с тем, что твои братья по борьбе больше никогда не протянут тебе руку и не споют вместе с тобой революционных песен. Тяжело было сидеть взаперти в подвале, куда не доходят ни дневной свет, ни известия о товарищах. Сколько их погибло? Сколько ранено? Сколько арестовано? Где их содержат? Что стало с моими детьми? Где мой адвокат? Когда начнется суд надо мной?

Но тут вдруг сверкнул луч надежды. К воротам тюрьмы начали стекаться неожиданные посетители, словно паломники к святому месту. А еще он получил письмо от своей любовницы и открытки со словами поддержки от сотен новых борцов, а также от родственников, священников, журналистов и ряда политиков, которые выражали ему свою солидарность и приглашали вступить в их партию. Короче, появилась масса симпатизирующих ему людей. Они тянулись к тюрьме днем и ночью, пока некое таинственное лицо не заявило: “Хватит!”

Как-то утром охранники получили приказ перевести Уго в “Ла Куэву”, самую большую и страшную венесуэльскую тюрьму. Доставив туда пленника, они грубо, не снимая наручников, провели его через многочисленные внутренние дворы мимо камер, до отказа набитых заключенными. Не успев как следует осознать, до каких пределов бесчеловечности тут все доведено, Чавес оказался в переполненном дворе. С людьми тут обращались как с мусором. Он увидел повсюду лужи мочи и кучи экскрементов, увидел мух, крыс и людей, нюхавших наркотики и не похожих на людей. А еще вооруженных зомби – тюремщиков, не желавших ничего этого замечать. Чавес смотрел на все эти совершенно невообразимые вещи и даже не успел придумать соответствующий случаю революционный привет для несчастных беззащитных узников, потому что в мгновение ока остался без обуви, без одежды, без своей командирской выправки, без своей харизмы и без своей веры. В секунды тот, кто привык отдавать приказы, превратился в ничто, даже меньше чем в ничто: в арестанта без имени, без истории, без постели, без надежды на помощь, потому что на него накинулись какие-то безумцы и начали бить, всячески унижать, забрасывать экскрементами, тухлой едой и полудохлыми крысами.

– Теперь тебя не спасет даже Первый Пран, пидор! – кричали одни.

– Да здравствует наш Пран! – хором скандировали другие. – О, Небесный Пран, обрати свою спасительную власть на этого несчастного гибнущего человека, – нудно и монотонно выводил весьма популярный здесь заключенный, который играл роль пастыря душ в этом бездушном месте.

На нескончаемые дни и недели Уго стал главным учеником в школе дантова ада. На его глазах людей насиловали, пытали, обезглавливали, но он не имел ни права, ни возможности помочь им или хотя бы протестовать. Он забыл заветы Боливара. Испарилась его вера в революцию. Ушли в далекое прошлое страсть к бейсбольной бите и мечты о тысячах женских бедер. Он перестал думать. И только одно слово барабанной дробью звучало у него в ушах: “Пран... Пран... Пран...”

Пран, он, как Господь Бог, все видит и все знает.

Сидя в своей крошечной раскаленной камере, сломленный и измученный, Уго и вообразить не мог, насколько разительно его будущее станет отличаться от этого смрадного и невыносимого настоящего.

Он не знал, что разведка Соединенных Штатов, кубинские власти и самая мощная преступная организация Венесуэлы не успокоятся, пока не привлекут его на свою сторону. Любым способом.

Глава 3 В тюрьме “Ла Куэва”

Новый лучший друг

Как избежать ужасов и невзгод, которые для огромного большинства людей являются делом нормальным и повседневным? Некоторым, очень немногим, это удастся. Для таких одиночество, бедность, голод, дороговизна или бытовые неудобства – вещи далекие от их жизни. Это самые богатые и могущественные люди на земле. Они имеют все, что хотят. Они живут в раю, приспособленном к их желаниям.

Юснаби Валентин – один из таких людей. И объясняется это не тем, что он родился в богатой семье или унаследовал богатства, сделавшие его все равно что королем. Ничего подобного. О нем говорили: бедный мальчик. Своего отца он никогда не знал, а мать в последний раз видел лежащей в луже крови в каком-то темном переулке Каракаса: пуля поставила точку в ее несчастной жизни. Ему тогда было одиннадцать лет, и у него не осталось больше никого на всем белом свете. Юснаби стал полным хозяином своей судьбы и рос вместе с другими сиротами в самых жалких районах столицы. Как помойные кошки, выбирающие ночь, чтобы освоиться в окружающей их реальности, уличные мальчишки научились нюхать клей, защищать себя с ножом в руке, обворовывать старушек, торговать наркотиками, похищать девчонок и грабить банки. И хотя по виду Юснаби был самым хилым и маленьким в шайке, он доказал, что храбрость его могла сравниться лишь с жадной завладеть абсолютно всем. Полицейские и охранники очень быстро узнали о нем: те из них, кто отказывался взять у него деньги, получали в качестве чаевых свинцовые пули.

Со временем даже сам Юснаби потерял счет тем, кого он убил. Хотя какая разница, если из человека он уже превратился в легенду – в существо с гуттаперчевым телом и гениальными мозгами. Видевшие его знают, что он низкого роста, тощий и тщедушный. Однако крайняя худоба не портит его и не делает похожим на скелет. Наоборот. Зеленые глаза кажутся особенно выразительными по контрасту с лысым черепом, блестящим как бильярдный шар. Говорит он веско, почти не разжимая губ. Поэтому нельзя судить о том, какие у него зубы. Пронзительный взгляд наводит страх даже на людей куда более высоких и крепких, чем он. Ум у него незаурядный и жестокий до кровожадности. Он прирожденный лидер и гениально оперирует цифрами, всегда внимателен к деталям и способен принимать трудные решения. Он часто повторяет, что страх – это букашка, которую легко раздавить ногой. К тридцати годам, поднявшись на высокую ступень криминальной лестницы, Юснаби Валентин с убийствами завязал. Теперь такие дела он оставляет большой армии киллеров, которые взирают на него как на бога и готовы выполнить любой его приказ. И Пран приказывает.

В тюрьме Юснаби находится по доброй воле. Однажды, будучи арестованным, он решил, что удобнее и надежнее всего будет устроить свой главный штаб именно в тюремной камере. Или, лучше сказать, в нескольких камерах люкс. Он выбрал “Ла Куэву”, самую страшную тюрьму в стране, но страшную, разумеется, для других, потому что для него заключение – не более чем самая подходящая обстановка для ведения дел. Прямо из тюрьмы он покупает политиков, адвокатов, полицейских, рабочих и охранников. Юснаби Валентин по собственной воле приговорил себя к сорока с лишним годам “тюремного заключения”. Оборудовал себе хоромы-офис по высшему разряду, включая сюда и “гостевые комнаты”. Находясь здесь, он все свои силы отдает управлению одним из самых разветвленных и прибыльных бизнесов в Венесуэле. В основном Юснаби занимается торговлей наркотиками и женщинами, а также похищениями

людей ради выкупа, ограблениями банков, контрабандой и, само собой разумеется, держит под контролем сеть элитных “мужских клубов”, куда часто заглядывают наиболее влиятельные люди страны. Под контролем Прана находится и существенная часть подпольного рынка Венесуэлы. В его империи все отлично организовано. Юснаби Валентин знает, что хороший управленец – это тот, кто умеет окружить себя хорошими управленцами. Так что со временем он сумел подобрать эффективную команду заместителей, менеджеров и службы. Создал армию – более пятисот человек, в чьи обязанности входит обеспечение порядка в тюрьме. Однако снаружи таких людей у него в десять раз больше. Его наемники получают винтовки, ружья, пистолеты, пулеметы, гранаты и все прочее, чем можно убивать – деловито и методично.

Короче, “Ла Куэва” стала его крепостью, оперативной базой, центральным банком и местом для праздничных приемов. Никто не может войти в тюрьму или выйти из нее без согласия его организации, причем касается это и тюремного руководства, которое он же сам и назначает. Или увольняет. Каждым своим поступком, всем, что происходит как внутри тюрьмы, так и за ее пределами, Пран заставляет поверить: слово “Власть” пишется с прописной буквы, и у Власти есть одно-единственное имя – Пран.

Он платит космические суммы преданным ему государственным чиновникам и своим приближенным, одновременно беря раз в неделю с заключенных что-то вроде дани. Он усовершенствовал методы пыток и выборочных убийств. Каждый день из “Ла Куэвы” выносят два-три трупа, чтобы очистить тюрьму от заразы.

Но он творит не только зло: оказывает узникам услуги по личной охране, снабжает любым алкоголем или наркотиками, сдает внаем комнаты, помогает взять напрокат телефоны, получить оружие и проституток. Кроме того, он очень религиозен. Преданно следует наставлениям наделенного даром магнетизма телеевангелиста из Техаса по имени Хуан Кэш, который соединяет христианское учение с уроками саморазвития, а также африканскими ритуалами и обрядами. Пран почитает Кэша как святого. Он возвел ему алтарь в своем “офисе” и ежемесячно делает щедрейшие пожертвования – что-то вроде аванса за очищение от грехов собственной души. Пран уверен, что следующие слова Кэша – это небесное откровение: “Господу угодно, чтобы ты был богатым! И богатым в этой жизни!”

Следовательно, и демонстрация богатства тоже не должна считаться грехом. В тот день, когда Прану исполнилось сорок, он устроил в своем обиталище незабываемый праздник. Пригласил исполнителей меренге⁶ из Доминиканской Республики. Раздавал деньги, угощал гостей виски, икрой и кокаином. Он пришел в восторг, увидев, сколько политиков собралось у него одновременно. Они пили шампанское с королевами красоты. Высокопоставленные военные чокались с налоговыми инспекторами, а журналисты – с сутенерами. И это было совершенно в духе Прана – отпраздновать подобным образом тот чудесный факт, что он до сих пор жив и проявил себя как фантастически талантливый организатор. Так ли уж важно, что и бизнес Прана, и все его инициативы носят по большей части криминальный характер? Главное другое: он гениален во всем, что касается организации, сложной логистики, темных финансовых схем и умения манипулировать людьми разного сорта.

Как и всякий человек, добившийся больших успехов в своих делах, Пран легко устанавливает отношения с другими сильными людьми, прежде всего с политиками. Он умеет находить к ним подход. Кроме того, очень рано, еще только начиная свою деловую карьеру, Юснаби понял: любой серьезный бизнес должен опираться на прочные связи в правительственных кругах – независимо от того, кто в данный момент возглавляет правительство. “Главы государств меняются, а вот мы, предприниматели, нет”, – любит повторять Пран с улыбкой, призванной показать, что он лучше всех понимает иронический смысл этой фразы.

⁶ *Меренге* – национальный доминиканский танец, существует также его песенная форма; распространен в ряде стран Карибского бассейна, в том числе в Венесуэле и Колумбии.

В платежных ведомостях его предприятий всегда фигурировали фамилии тех или иных правительственных чиновников, политиков, министров, судей и генералов. Но Пран чувствовал, что и этого ему недостаточно. Ему хотелось большего. А если добавить туда еще и президента?..

У Прана непомерные амбиции. И он умеет использовать каждый удачный случай. Уго Чавес для него – такой вот очень удачный случай. А вдруг этот потерпевший поражение подполковник поможет осуществиться мечте Прана – чтобы в его предпринимательский конгломерат вошел и сам президент Республики?

Несколько недель назад он приказал перевести Уго в “Ла Куэву”. Это по его велению Чавеса поместили в самую жуткую и опасную камеру, по его велению мучили и унижали до тех пор, пока у того не иссякли силы для сопротивления. По его велению узники то и дело скандировали имя Прана. Потому что было важно дать понять неудачливому путчисту, что в подполье этого преступного мира, уже под самым его дном, затаился гигантский и всемогущий осьминог, чьи щупальца – единственная надежда на спасение.

Но Пран всегда был осьминогом очень осторожным и решил подождать, пока его жертва не будет доведена до крайней точки. Потом Пран повел себя скорее уже как пчелиная матка: он послал отряд вооруженных пчелок – чтобы они поменяли декорации на адской сцене. И три здоровенных охранника в штатском переправили Уго напрямиком в “сад наслаждений”. Тот не мог определить, тюремщики это или узники. Его провели через потайные двери, лазы и норы, пока не доставили в “частный клуб” Прана. Там Уго ждали две красавицы. Сперва они сводили его в душ, потом – в сауну, потом усадили в ванну и сделали полный массаж. Впервые за несколько недель ему дали тарелку достойной еды, чистую воду и предложили на выбор вина, крепкие напитки и коктейли, так что перед таким изобилием он даже растерялся. В его распоряжение предоставили чистую комнату со всеми удобствами, включая музыку, телевизор, DVD... Показали двухспальную кровать, личные полотенца, зубную щетку и дюжину книг, чтобы он мог почитать на ночь, если по какой-то причине не сумеет заснуть. И вот, едва попав в такие сказочные условия, Уго словно возродился к жизни и вновь стал прежним харизматическим лидером, чей голос способен заморозить обездоленных и заставить их улыбаться.

Через пару дней осьминог всплывает на поверхность. Он посылает одного из своих прислужников в комнату нового гостя и велит передать тому написанную безупречным почерком записку:

Добро пожаловать в “Ла Куэву”, подполковник Чавес. Я очень хотел бы с вами познакомиться. У нас имеется много общих тем для разговора. Приглашаю вас сегодня в восемь часов вечера на ужин. Буду ждать.
Ваш поклонник Юснаби Валентин (Пран).

Дружеский ужин

Роскошные апартаменты Прана расположены на тюремной крыше. Четырьмя этажами выше той грязной камеры, где прежде сидел Уго, хотя знать об этом никому не положено. Обиталище Прана изолировано от помещения тюрьмы и надежно охраняется. Оно неприступно.

Дверь Чавесу открывает громила, весь покрытый татуировками – есть они у него даже на подбородке. Громила пропускает гостя внутрь, и тот изумляется еще больше, учуяв плавающий в воздухе изысканный и так хорошо ему знакомый аромат тушеного мяса. “Такого не может быть! Да ведь это капибара!”⁷ – молнией пронеслось у него в голове, и он как живую увидел свою бабушку. Что бы она подумала обо всем этом?! До чего вкусным ему казалось когда-то это блюдо. В те годы, которые они прожили вместе!

Громила закрыл дверь. Продолжая принимать, Уго спросил, не успев поздороваться:

– Неужели кто-то приготовил здесь капибару?

– Твоя бабушка, – ответил ему Пран и засмеялся собственной шутке, которая на самом деле шуткой вовсе и не была.

Их взгляды встречаются. Оба по достоинству оценили друг друга.

– Твоя бабушка приготовила жаркое вчера у себя дома. Только вот пилот подвел нас – смог вернуться оттуда только сегодня. Это мой маленький сюрприз для тебя.

Уго смеется, но сейчас он слишком голоден, чтобы по-настоящему оценить жест Прана. У него текут слюнки. Он не пробовал тушеной капибары лет шесть, не меньше. Но старается сдерживаться. Вспоминает слова, которые так часто повторяла бабушка, особенно в те нередкие дни, когда на стол было нечего поставить: “Кто не спешит, от того ничего не убежит”.

Уго садится за стол, где уже сидит хозяин дома, и тянет руку к блюду. Огромные зеленые глаза Прана впиваются в глаза подполковника, излучающие дружелюбие, но по-прежнему настороженные. Они молча изучают друг друга, потом переходят к пустопорожней болтовне по поводу сегодняшнего меню, десерта и напитков. Ужин начинается, у каждого на тарелке лежит кусок жаркого.

Атмосфера наполнена не только ароматами еды, но и всякого рода неожиданностями. Гость и хозяин – почти ровесники. Оба росли без родителей. Оба люди неустрашимые, дерзкие, умные и не слишком щепетильные. Оба обожают женщин, но любить не способны. Привыкли командовать отрядами вооруженных парней, готовых убивать. С детства обучены быть первыми в драке, пускать в ход когти и зубы, говорить все напрямик, никогда не показывать собственных слабостей и *всегда* демонстрировать свою власть, даже если эта власть оказывается иллюзорной.

Поев как следует, они переходят к спиртному. Уго пьет ром, Пран – пиво. По ходу разговора туннель их личных историй – как подлинных, так и только что выдуманных – постепенно становится все глубже. Теперь они обсуждают недавнюю попытку военного переворота. Гостю вдруг начинает казаться, будто он стоит на трибуне. И видит перед собой не самого опасного из преступников, а венесуэльский народ. Уго вещает высокопарно, с пафосом:

– Мы больше не могли терпеть того, что нашу Родину постоянно предают, больше не могли терпеть подлости, гнусности и бесстыдства тех, от кого зависит судьба нашего народа. И я говорю не от себя лично. Наше движение – это движение тысяч объединившихся военных, чьи сердца бьются в унисон, когда они мечтают о свободе.

– Да, однако большинство из них сейчас сидят в тюрьме или покинули страну! – не без ехидства возражает Пран, но Чавеса этим не проймешь, он продолжает:

⁷ *Капибара* (или водосвинка) – полуводное травоядное млекопитающее, самый крупный из современных грызунов.

– В нашей стране все мы жертвы диктатуры, жертвы небольшой кучки людей, которые заграбастали все национальные богатства. Однако оказаться в тюрьме – это еще не поражение. У нас есть великая цель. Мы с огромной болью смотрели на то, как гибнет наша Венесуэла, сегодня она раздроблена на части, у нее нет четко намеченного пути, нет карты, нет компаса, по которому можно было бы ориентироваться. И наша нынешняя задача – поднять с земли тысячи обломков, восстановить карту, наметить путь к голубым горизонтам надежды. – Уго переводит дух и делает глоток рому.

Пран пользуется паузой, чтобы вставить свое словечко:

– Послушай, Уго... Если говорить откровенно, что бы ты предпочел, трахать баб или свергать президентов?

Оба хохочут, каждый вспоминает свои любовные приключения и свои победы на этом поле. Пран продолжает: – Девочек у меня тут, кстати сказать, сколько хочешь. А какие праздники мы закатываем, сдохнуть можно! Мы непременно будем и тебя на них звать, чтобы ты хотя бы иногда забывал про свои речуги и хорошенько позабавился с красотками.

Новоявленные друзья чокаются, увлекаются беседой, шутят и радуются жизни.

Когда настроение у обоих достигает лучшей точки за весь этот вечер, Пран вдруг резко меняет тон и задает вопрос, который на самом деле звучит как приказ:

– Я закажу для тебя такси?

“Черное дерево”

Попытка военного переворота, хотя и провалившаяся, разом заставила зашевелиться тех, кто держал в руках средства массовой информации. Нетрудно догадаться, что главные редакторы газет и новостных программ забили во все колокола и стали рассылать своих людей туда и сюда, чтобы те снимали и срочно собирали информацию во Дворце правительства, в Конгрессе, в гарнизонах и даже в Баринасе и Сабанете, то есть в городе и деревне, где родился и вырос ныне ставший знаменитым Уго Чавес.

Моника Паркер – очаровательная и влиятельная журналистка, ведущая самой популярной в стране программы теленовостей. Сейчас она не может думать ни о чем другом, кроме Уго Чавеса и его истории. Все свои возможности, все свои связи, а также профессиональную интуицию она использует на полную катушку, чтобы понять и объяснить, кто же он такой на самом деле, этот необычный персонаж. С того самого мига, как Моника услышала по телевизору его знаменитую речь (“К несчастью, цели, которые мы перед собой поставили, не были достигнуты... Пока не были достигнуты”), она неустанно пыталась отыскать детали, необходимые для решения головоломки, которую представляет собой молодой офицер. Что-то подсказывало журналистке: Уго Чавес может в конце концов стать главным действующим лицом среди тех, кому предназначено провести исторические для Венесуэлы реформы. И Моника твердо решила, что узнает о нем больше, чем все ее коллеги, лучше поймет его и лучше донесет добытые сведения до сограждан.

Моника по праву считается хорошей журналисткой, и ей известно: надо, невзирая ни на что, оставаться предельно объективной и беспристрастной, готовя материалы о возглавившем мятеж подполковнике, хотя как гражданка своей страны и как женщина она испытывает симпатию и к нему самому, и к тем переменам, которые он задумал осуществить в Венесуэле.

В итоге Монике удастся нарисовать вполне достоверный портрет Уго Чавеса. Рассказать про ранние годы, проведенные в маленькой деревушке, про жизнь с бабушкой, про учебу в Военной академии и службу в армии. В самом конце передачи она в хронологическом порядке и в мельчайших деталях восстановила события рокового дня. Не обошла Моника вниманием и тот факт, что этот вроде бы вполне заурядный, симпатичный и равнодушный к женскому полу человек раньше выделялся лишь тем, что умел повеселить товарищей на офицерских пирушках. Как же ему удалось встать во главе движения, целью которого был вооруженный захват власти?

Моника столько сил убила на разного рода поиски, беседы со свидетелями, проверку собственных догадок и соединение деталей в общую картину, что почувствовала себя совершенно вымотанной. Чтобы хоть немного проветрить мозги, она в обеденный перерыв принялась читать последний номер журнала “Дива”. Статьи, посвященные моде, обустройству квартир, кулинарии, событиям светской жизни... И тут на глаза ей попало рекламное объявление. Оно гласило:

“Черное дерево”. В Каракасе открывается новый Центр интегральной красоты. Это не косметический салон и не спортивный зал. Это место, где вам помогут укрепить взаимосвязь между телом, мыслями и духом.

Далее следовало интервью с хозяйкой Центра, мексиканкой, инструктором по йоге Эвой Лопес, женщиной тридцати пяти лет, которая, если судить по фотографии, сопровождавшей интервью, могла уверенно принять участие в любом конкурсе красоты. Моника сразу поняла, что это как раз то, что ей сейчас нужно, – рассеяться, расслабиться, а также испытать что-нибудь совершенно новое. Иными словами, интервью попало ей в руки в самый подходящий момент:

В “Черном дереве” мы поможем тебе обрести равновесие, привести в порядок свои мысли, лучше узнать свое тело и найти душевное спокойствие – и все это с помощью различных холистических практик и методов.

В нижнем левом углу страницы были в столбик напечатаны разные термины, которые весело запрыгали перед глазами Моники. Она захотела попробовать сразу все: йогу, пилатес, спа, медитации, ароматерапию, рефлексологию, методы японской холистической медицины, традиционную китайскую медицину, аюрведу (чтобы ей рассчитали ее натальную карту), а еще узнать, что такое семейные созвездия. Моника решила непременно побывать в Центре, только вот никак не могла выбрать, чему отдать предпочтение. Она позвонила по указанному в журнале номеру и записалась в Центр на субботнее утро.

Центр “Черное дерево” открылся всего несколько недель назад, но уже стал пользоваться большой популярностью у столичных женщин – прежде всего у жен предпринимателей, политиков, высокопоставленных военных и банкиров. Иными словами, у тех, кто имеет свободное время и свободные деньги. Но приходят сюда и работающие дамы – они мечтают о передышке после долгого и нервного трудового дня, в том числе актрисы и дикторши с телевидения, а также известные журналистки. Многие из них впервые попадают в такое заведение. И новые клиентки испытывают полный восторг и от царящего здесь стиля, и от хорошего вкуса, с которым все устроено, и от безупречной чистоты. Центр совсем не похож на другие салоны подобного рода и очень привлекателен для женщин. Эва Лопес, его хозяйка, знает, как важно сразу произвести благоприятное впечатление на клиенток. Поэтому она находит время, чтобы лично познакомиться с каждой новой посетительницей и провести ее по своим владениям, хотя у нее на ресепшене работают милые девушки, есть очаровательные массажистки и хорошо обученные инструкторы. Центр располагается в отлично сохранившемся здании конца девятнадцатого века, совсем недавно переоборудованном во дворец холистики.

Вот и теперь Эва сама встретила Монику Паркер, которую, разумеется, раньше не увидела на экране телевизора. Они поздоровались и пожали друг другу руки.

– Я прочитала интервью с вами в журнале. И меня все это очень заинтересовало, – сразу сообщила Моника. – Как нарочно, я уже несколько дней раздумывала над тем, что мне просто необходимо попробовать что-то в этом духе – упражнения, массаж, медитации. Правда, сама не знаю... на чем бы остановиться.

– Всем нам, женщинам, это очень нужно, но мы вечно изобретаем какие-то отговорки... – отвечает Эва. – Давайте я лучше покажу вам наш Центр, сами посмотрите, что вам больше понравится и чем вы в итоге захотите заняться.

Они вместе начали осматривать салон. Сначала зашли в просторный и пустой сейчас зал с деревянным полом.

– Здесь проходят занятия йогой, и для разных уровней предполагается разное время. Я один из инструкторов по хатха-йоге, может, и вы тоже когда-нибудь рискнете посетить мой урок.

Потом они попали в большой зал с тренажерами, трапециями, канатами и гантелями. По стенам были развешаны картинки, изображающие строение человеческого тела.

– Здесь у нас занимаются пилатесом. На третьем этаже кабинеты холистической медицины. Три кабинета отведены для массажа и терапии, один – для медитации с инструктором, еще один – для чтения натальной карты.

Под конец Эва привела Монику в японский сад, разбитый на большой террасе. Тут же находится кафетерий, а рядом – кабинет хозяйки Центра.

– Как тут красиво! – воскликнула изумленная Моника. – Просто чудо, трудно поверить, что в Каракасе есть такое место. И это говорю вам я, а уж я-то лучше многих знаю наш

город. Надо рассказать о вашем “Черном дереве” подругам, они непременно тоже захотят сюда прийти. Им очень понравится!

Моника с Эвой еще немного поболтали. Журналистка обратила внимание на иностранный акцент хозяйки салона: – И что же заставило вас, мексиканку, решиться на переезд в Каракас? Простите, конечно, если мой вопрос покажется вам неуместным.

– Да нет, нормальный вопрос! – ответила Эва. – Дело в том, что в Мехико у меня был парень, венесуэлец. Мы с ним собирались пожениться и обосноваться в Каракасе. Даже приезжали сюда пару раз, но он, к несчастью, умер от быстротечного рака. А через два года после его смерти мне в голову пришла “безумная идея”. Захотелось открыть именно в Каракасе такое вот заведение. И как видите... Сама я уже больше десяти лет занимаюсь йогой. Эта мысль меня захватила, хотя она и в личном плане, и в профессиональном выглядела весьма рискованной. Переехать в другую страну... Но я ничем не была связана... И еще... Мне очень нравятся и Венесуэла и венесуэльцы.

В итоге Моника записалась на занятия йогой – два раза в неделю, а также на расслабляющий массаж и на курс процедур для лица. Эва же осталась довольна прошедшим днем. Сегодня у нее появилось шесть новых клиенток, включая и Моника. Итого за две последних недели их набралось восемнадцать.

Когда все шесть ее служащих ушли, Эва, прежде чем отправиться домой, заперлась в своем уютном кабинете, зажгла белую свечу и несколько долгих минут глубоко дышала. Затем включила компьютер, выпила стакан воды и принялась печатать очередное зашифрованное донесение для шефа, Оливера Уотсона: “Черное дерево” *is ok*”.

“Элита”

Иван Ринкон и раньше часто посещал Венесуэлу, он побывал как во всех главных ее городах, так и в самых отдаленных уголках. Иногда ему кажется, что он знает ее лучше многих венесуэльцев. Он столько всего перечитал и столько сведений получил, разговаривая с разными людьми, что чувствует себя здесь как рыба в воде и легко выдает себя за того, кем на самом деле не является.

На сей раз он прилетел из Санто-Доминго в международный аэропорт Майкетия, расположенный недалеко от Каракаса, с доминиканским паспортом на имя Маурисио Боско. Отныне он больше не Иван Ринкон и не инженер-химик, который разъезжал по миру, продавая удобрения. Теперь он Маурисио Боско, доминиканский предприниматель.

В аэропорту его встречает “кузен” Адальберто Сантамария и грузит чемоданы в машину, которая доставит “предпринимателя” в новое жилище.

Маурисио – мужчина привлекательный, на улице на него с интересом поглядывают многие женщины, не исключая и тех, кого сопровождают отцы, мужья или женихи. Женское внимание явно не оставляет Маурисио равнодушным, и он отвечает женщинам улыбкой или выразительным взглядом. К сорока годам Иван научился ловко пользоваться своим даром: он словно превращает женщин в шоколад, а когда они начинают таять... проглатывает их.

В Каракас Маурисио приехал, чтобы открыть здесь сеть магазинов “Элита”, где будут продаваться товары известных марок – одежда, сумки, обувь и аксессуары самого высокого качества, но по более чем приемлемым ценам. Естественно, недостатка в покупательницах у таких магазинов не будет, к тому же Маурисио, как он надеялся, без особого труда очарует клиенток.

Его “кузен” уже обзавелся здесь очень крепкими связями. Это один из венесуэльских агентов, многие годы тайно работающий на Кубу. Магазины “Элита” послужат им прекрасным прикрытием, чтобы путешествовать по стране и повсюду вербовать шпионов, информаторов, а также заводить друзей. За первые же месяцы Маурисио успел побывать не только в самых крупных городах, но и в тех, где расположены главные военные базы. Число магазинов “Элита” быстро растет. Идея оказалась удачной, и туда зачастили разные клиентки, в том числе жены и дочери высокопоставленных военных. В каждом магазине у Маурисио есть свой человек – очень милая продавщица, которая легко заводит приятельские отношения с покупательницами и умеет незаметно задать нужные вопросы касательно служебных дел их мужей. Как университетские преподавательницы, так и офицерские жены с равной охотой покупают блузки от Армани по очень привлекательным ценам.

– Здесь нет деления на классы, – с удовольствием говорят посетительницы “Элиты”. – Здесь рады всем.

Так оно и есть на самом деле. Супруги богатых землевладельцев и промышленников невольно встречаются в бутиках “Элита” с секретаршами своих мужей. “Это я покупаю не для себя, а для подарка”, – спешат соврать некоторые дамы, сталкиваясь со знакомыми у кассы. Покупательницы, разумеется, и вообразить себе не могут, что делающая подобные скидки “Элита” неизбежно должна терпеть убытки. Да и как не оказаться в минусе, если ты продаешь вещи дешевле, чем покупаешь? И кто бы мог поверить, что все эти убытки покрывает G2 – иными словами, что это часть той цены, которую платит кубинский режим за свою деятельность в Венесуэле. Бутики “Элита” являются эффективной и хорошо продуманной сетью для сбора информации и вербовки людей, которые могут представлять большой интерес “для дела”. И кубинцы надеются не только вернуть себе потраченные деньги, но и дожидаться хорошей прибыли. Сейчас они по дешевке продают дорогие вещи, чтобы затем купить у венесуэль-

ского правительства столь нужную Кубе нефть по не менее привлекательным ценам, чем те, которыми бутики “Элита” радуют своих клиенток. А может, и получить нефть даром...

Открывая новые и новые бутики, Маурисио постоянно встречается с университетской публикой, военными, журналистами, правительственными чиновниками, дамами из общества и женщинами самого разного происхождения и самых разных профессий. Боско живет в очень напряженном ритме. Из одного города переезжает в другой, с одной встречи спешит на следующую. Никто никогда не знает, где он сейчас находится и когда снова появится в том или ином месте. Посетительницы его магазинов и вообразить не могут, что этот очаровательный мужчина – еще и талантливый стратег, виртуоз неожиданных решений, а еще – беспощадный убийца, для которого любое средство годится, если речь идет о пользе Революции.

Сейчас Маурисио Боско – для кубинцев главная фигура в опасной игре, где ставка – власть.

Паук плетет свои сети

В конце концов тюрьма стала для Уго скорее наградой, чем наказанием. Благодаря неожиданному покровительству Прана, дни “за решеткой” сделались более терпимыми, а иногда и приятными. Очень скоро Уго даже начал утверждать, что никакой тюремной тоски не испытывает. Его камера, которая на самом деле являлась “гостевой комнатой” в обиталище Прана, отличалась чистотой и выглядела вполне прилично. Чавес часами читал, восполнял пробелы в своем образовании, писал. Иногда брался за кисть и краски, в другие дни сочинял стихи и песни. Часто делал гимнастику и поэтому находился в прекрасной физической форме.

Он успел убедить себя, что, сложив без сопротивления оружие после провала путча, вовсе не проиграл. Ведь главным было не то, что он сдался, а то, что произошло потом. Его телевизионное выступление имело гораздо более серьезные последствия, чем сама попытка военного переворота.

Эта попытка провалилась, тем не менее Уго в итоге вышел победителем. И победой своей он был обязан речи, произнесенной перед камерами, – она принесла ему симпатии миллионов соотечественников. Многие из них – и таких, пожалуй, оказалось даже слишком много – приходили к воротам тюрьмы в надежде, что им разрешат увидеться с Чавесом. И немалому числу жаждающих это действительно удавалось. Уго навещали весьма разные люди, не считая его детей, любовницы, родителей и прочих родственников. Он встречался с политиками, профсоюзными деятелями, журналистами, университетскими преподавателями и студентами, просто почитателями, а также со старыми друзьями... и с женщинами, со многими женщинами. Ему приносили книги, еду и всякого рода подарки. Он пил виски, слушал музыку, посещал вечеринки Прана и спал допоздна.

Это последнее было, разумеется, тайной, которую Уго ни в коем случае не раскрыл бы журналистам. Он старался изображать из себя страшно занятого человека, политического лидера, удрученного тем, что происходит в стране. В одном из интервью для радио он “откровенничал”:

Если мы попадаем в эпицентр урагана, это заставляет нас все время думать только о революционном процессе. Дел бесконечно много: надо поддерживать связь с представителями разных слоев общества, обмениваться идеями, принимать военных, которые хотят с нами встретиться, а также журналистов и не обмануть ожидания тех, кто живет за пределами нашей страны и верит, что нам удастся построить новое государство...

Иначе говоря, нет места лучше, чем тюрьма, чтобы как следует сосредоточиться и выработать четкие определения для принципов боливарианской революции, которые общественное мнение пока еще плохо понимает, но уже готово принять на вооружение благодаря стараниям их харизматического пропагандиста.

А снаружи жизнь катится прежней дорогой. В бедных районах Каракаса члены банд продолжают убивать друг друга, и трудности, переживаемые Венесуэлой, продолжают углубляться. Нет ни денег, ни достаточно сильной власти, чтобы навести порядок. Президент Перес, хоть и остается на своем посту, по сути, уже не управляет страной. И мало что может сделать. Популярность его упала ниже некуда, как и популярность “всегдашних” местных политиков, в то время как число сторонников Чавеса растет.

Между тем пауки-разведчики продолжают плести густые сети. Обе стороны приказывают своим агентам проникнуть в тюрьму и добыть информацию обо всем, что там происходит.

Пользуясь ролью хозяйки “Черного дерева”, Эва наращивает число тайных информаторов и агентов среди высших слоев Венесуэлы: ее интересуют экономика, политика и военная

сфера. У нее есть платные осведомители во многих районах города, в университетах, профсоюзах, СМИ и государственных учреждениях. На нее работают манекенщицы, психотерапевты и красивые женщины, за деньги готовые на все. Некоторым из них удается получить приглашение на вечеринки Прана, и таким поручают не только попытаться соблазнить Чавеса, но и узнать что-нибудь о его планах на будущее, а также о его сообщниках.

Тем временем Маурисио подстегивает тех, кто работает на него. В его распоряжении имеется не менее эффективная сеть информаторов. Кроме того, люди Боско постепенно проникают в министерские круги, а также в среду спецслужб и военных. Чтобы ближе подобраться к цели, Маурисио вербует среди тех, кто входит в близкое окружение Уго, известного профессора-социолога. И тот начинает давать Чавесу частные уроки марксизма. Их долгие беседы многое проясняют для Уго и помогают ему перевести боливарианскую идеологию в практический план, который ориентирован на управление страной. Использует Маурисио также политических активистов и добровольных борцов за права заключенных.

Если Эва подбирается к Уго, пуская в ход соблазны плоти, то Маурисио пытается воздействовать на его мозг. Главная цель кубинца – повлиять на образ мыслей Чавеса.

События начинают развиваться с головокружительной скоростью. Как Эва, так и Маурисио должны вести себя с предельной осторожностью, тщательно скрывая и свое подлинное лицо, и настоящие причины, заставившие их обосноваться в Венесуэле. Они избегают любых рискованных ситуаций, поскольку понимают: шпионской сетью противника руководит человек беспощадный и знающий свое дело. Они заочно боятся и уважают друг друга. И стараются отслеживать, порой с восхищением, каждый шаг неведомого соперника. Для обоих главная задача – раскрыть личность предельно законспирированного врага. Но до сих пор ни ему, ни ей не удалось этого сделать, что сильно нервирует их шефов соответственно в Гаване и Вашингтоне. Между тем Пран тоже не сидит сложа руки – он всерьез занимается политической карьерой Уго. Осьминог уже успел хорошо познакомиться с Чавесом и убедился, что его, как всегда, не подвело природное чутье: Уго – идеальный человек для реализации гигантских проектов Прана.

Для такой тонкой работы, как продвижение Чавеса по политической стезе, Пран пользуется услугами своего главного и самого засекреченного помощника – Гильермо “Вилли” Гарсиа. Вилли – представитель венесуэльской буржуазии, он окончил Гарвардскую школу бизнеса. А потом стал управлять легальными предприятиями, входящими во владения Прана.

Во время одной из тайных встреч в “Ла Куэве” хозяин приказал Вилли не жалеть денег и нажать на все рычаги, чтобы организовать гражданское и политическое движение в поддержку будущего кандидата в президенты. И сразу же многочисленная и получающая хорошее финансирование организация начала с большим успехом проводить марши и манифестации, участники которых требовали освобождения Чавеса.

Одновременно Пран прибег к своим контактам в СМИ. Он понимает, насколько важно снова дать Чавесу возможность выступить перед камерами. Пран возлагает вполне оправданные надежды на ораторский талант Уго и через одного из своих людей ведет переговоры об условиях и дате эксклюзивного интервью Чавеса в прямом эфире, которое возьмет у него известная журналистка Моника Паркер, о чем она мечтала с того самого дня, как Уго отправили в тюрьму.

И вот Моника вместе со своей съемочной группой отправляется в “Ла Куэву” и позволяет Чавесу говорить целый час, после того как он проигнорировал первый же ее вопрос. Для начала он приветствует сограждан. Затем возносит хвалы венесуэльскому народу, который никогда не позволит сломить себя очередным правителям с их грабительской политикой. По словам Уго, и ему самому, и сторонникам его революционного движения больно видеть, в какое состояние пришла их родина, больно видеть вокруг голод и ужасную разруху. Он говорит о революционном пламени, разгоревшемся в душах и головах венесуэльцев. В последнее время это пламя

запылало еще ярче, и никому не удастся его погасить. Чавес призывает сограждан встретить бурю лицом к лицу, смело идти вперед и не бояться, что идол из плоти и крови рухнет и развалится на куски. Уго повторяет слова своего советника по политическому маркетингу, которого к нему недавно пригласил Пран: “Главная задача – вывести корабль из шторма и направить в сторону голубого горизонта надежды”.

Моника несколько раз пытается прервать Уго и задать вопросы, которые готовила в течение нескольких дней, но он отделяется короткими и пустыми ответами, чтобы вернуться к волнующей его теме и продолжить свою речь – как становится очевидно, за последние недели он хорошо ее отрепетировал. В итоге за отведенное ему время он толком не ответил ни на один вопрос Моника, так что на прощание она, кипя от бешенства, бросает ему:

– Что ж, команданте, буду надеяться, что в самом скором времени вы дадите мне еще одно интервью и будете отвечать на мои вопросы, ведь они касаются именно того, что хотят узнать о вас все венесуэльцы.

Уго смотрит на нее с обычной своей обаятельной улыбкой и говорит:

– Черт возьми, Моника, я не знал, что ты не только красивая и умная, но умеешь еще и гневаться. Но это делает тебя еще красивее. И я уверен, что со мной согласятся все, кто нас сейчас видит. Правда, Венесуэла?

Моника краснеет и знаком велит оператору выключить камеру.

Свободу Уго!

Программа Моники Паркер наделала много шума. Популярность Уго Чавеса выросла, а вместе с ней и амбиции Прана. Резкие слова Чавеса, направленные против высших слоев общества, его готовность вести борьбу с коррупцией и выступать от лица бедноты становятся фирменным знаком его политической программы. Он сам чувствует, что от прочих политиков его отличают не идеологические позиции, а искренняя связь с самыми бедными и обездоленными. Он обращается к ним от всего сердца, потому что еще в детстве узнал, что такое голод, нищета и беспомощность. Кроме того, Уго не только говорит простым людям: “Я – это вы”, – он разговаривает, совсем как они, на их языке, да и внешность у него самая что ни на есть простецкая.

По понедельникам и четвергам – в эти дни в тюрьме разрешаются посещения – десятки последователей и почитателей Чавеса стоят в долгой очереди, чтобы хотя бы увидеть его. Некая женщина, адвокат по уголовным делам, готова совершенно бесплатно защищать в суде как его, так и остальных военных, участвовавших в мятеже и теперь ставших политическими заключенными. По стране прокатывается волна народных выступлений в поддержку Чавеса, некоторые из них возникают спонтанно, но многие другие проплачены Праном. Тем временем та самая адвокатша, став пылкой революционеркой, руководит созданием *боливарианской группы по правам человека* – в нее входят юристы, ученые, университетская публика и артисты, решившие оказать поддержку арестованным военным.

Имя Уго Чавеса начинает звучать и за пределами страны. Почти сто представителей европейской интеллигенции подписали открытое письмо, напечатанное потом в самых популярных газетах: они осуждали венесуэльское правительство и выражали свою солидарность с мятежным подполковником. Всемирно известные журналисты ехали в Венесуэлу, чтобы познакомиться с героем-узником, “с новым Манделой”, по определению некоторых.

Внезапная громкая слава заставляет Уго, который сам называет себя “самбометисом” и “гордится своими жесткими волосами”, начать всеми возможными способами формировать собственный образ – образ освободителя эпохи постмодерна. Его социалистические идеи многое черпают из уроков наставников, подсланных к нему Маурисио Боско, а боливарианское мировоззрение еще больше укрепляется по мере того, как они внушают Уго мысль, что он является наследником этого великого человека:

– Нам нужен Симон Боливар двадцать первого века. Нужен человек, который даст свободу бедным. Подумай об этом.

Но Чавес и без них не знает сомнений, для него и так все ясно. В своем великом предназначении он уверен.

Судя по всему, замыслы Прана четко претворяются в жизнь. Хотя иногда, анализируя развитие событий, осьминог вдруг задается вопросом: а сможет ли он и дальше контролировать поведение монстра, которого творит собственными руками? И все-таки Пран решает рискнуть и переходит к следующему этапу своего плана. Теперь все усилия надо направить на то, чтобы выволить народного идола из тюрьмы, а затем превратить в одну из звезд на политическом небосклоне Венесуэлы. Для этого используются хитроумные кампании в прессе, подкупы и угрозы. Пран добивается, что под его контроль попадают абсолютно все новости, связанные с этой темой, и по его требованию в прессе принимаются лепить образ нового народного вождя – защитника бедных. В результате весь мир слепо в это поверил. Что касается Уго, то он с блеском играет отведенную ему роль, поскольку и сам искренне убежден в своем великом будущем.

Чавес обладает несомненным даром убеждения, выигрышной внешностью, неотразимым креольским обаянием и природной хитростью, что заставляет низшие слои населения безого-

ворочно полюбить его. Они узнают в нем самих себя. Он говорит о борьбе с нищетой, неравенством, коррупцией и социальной несправедливостью. И его слова доходят до сердец многих венесуэльцев, для которых нефтяное богатство страны – вещь столь же неосязаемая, как и аромат кофе.

По большей части и средний класс, и даже кое-кто из высших слоев населения тоже с сочувствием воспринимают его речи – а ими теперь заполнены все СМИ, – поскольку видят в них стремление восстановить и защитить общественную мораль. Граждане, потерявшие все свои сбережения, став жертвами растрат в банках и неожиданных банкротств, озлоблены и устали от пустословия и злоупотреблений, которыми грешат традиционные политические партии.

Пресса поработала на славу, добавляя популярности Чавесу. Месяцы спустя возникает массовое – и хорошо оплаченное – народное движение, требующее его освобождения. Даже самого подполковника удивляет, что в маршах участвуют и представители верхних слоев общества, обещая ему свою поддержку. Влиятельные предприниматели просят его принять их и спешат на встречу с Уго. Они желают сблизиться с другом бедных не только потому, что им интересно познакомиться с новой политической знаменитостью, но и для того, чтобы склонить Чавеса на свою сторону и уже сейчас успеть чем-нибудь соблазнить. Им кажется, что он будет полезен. А опыт в подобных делах у таких людей имеется.

С женой Чавес развелся еще несколько лет назад. Это уже старая история. Их больше ничего не связывает, кроме троих детей. До мятежа в течение восьми лет у него была постоянная любовница, их роман тщательно скрывался, но теперь она не желает смириться с тем, что Уго проявляет беззастенчивый интерес к своим многочисленным обожательницам. Оба решают, что, со всех точек зрения, лучше им эти отношения прекратить, в итоге гламурные журналы немедленно присваивают ему титул Холостяка года.

Все складывается так, что требования освободить Чавеса грозят перерасти в настоящий социальный взрыв. Уже поговаривают о приостановке производства по его делу, а также о том, что, возможно, президент помилует бунтовщика. Упомянутой ранее адвокатессе и работающей с ней вместе команде юристов удалось добиться, чтобы судьба Чавеса решалась на самом высоком уровне. Миллионы венесуэльцев зажигают свечи и читают Розарии и новенны, прося у Господа защиты для Уго. Они верят, что с освобождением Чавеса и вся страна тоже освободится от губительного для нее кошмара.

Президентский срок Переса близится к концу, и против него уже выдвинуто обвинение в растрате общественных фондов. Его политическая судьба предрешена. Мало того, еще одна группа военных подняла мятеж и снова попыталась свергнуть Переса, но и эта попытка провалилась. Страна стоит на пороге очередных выборов. Началась предвыборная гонка, и каждый кандидат непременно обещает освободить всех до одного участников путча. Но народ хочет не только свободы для своего обожаемого Уго. Народ хочет видеть его президентом Венесуэлы.

У Прана есть для Уго неожиданная новость. Он показывает Чавесу анкеты для предварительного голосования, где тот значится среди кандидатов, возглавляющих список. Впервые Пран заводит с ним речь о выборах как о законном пути к власти.

– Голоса избирателей – это тоже оружие, – объясняет Пран.

Но понять, что думает на сей счет его подопечный, невозможно. Это остается загадкой. Ни Пран, ни наставники Чавеса, ни его адвокатесса, ни Моника Паркер, ни доминиканец Маурисио Боско, ни мексиканка Эва Лопес понятия не имеют, как он поведет себя, выйдя на свободу.

Глава 4

Красный, красненький... как перуанский петушок

Клянись твоими останками, отец...

Приказ поступает в “Ла Куэву” в полдень Вербного воскресенья. Проведя два года в заключении, Чавес и его сподвижники, замешанные в попытке государственного переворота, помилованы президентом. Люди, собравшиеся у тюремных ворот, обнимаются и ликуют. В своей вечерней программе Моника Паркер сообщает подробности: “Мятежники помилованы и выпущены на свободу, но с условием, что все они откажутся от военной службы и дадут обещание впредь не поднимать оружия против выбранной демократическим путем власти”.

Новость не стала для Уго неожиданностью, он уже несколько недель готовился к тому, что, получив свободу, сразу окунется в лихорадочную политическую жизнь. Он твердо знает, что будет делать в первые же часы после выхода из тюрьмы. И давно успел сочинить в уме свои предстоящие речи и выступления. Чавес часами беседовал о будущем с Праном, который стал его близким другом, почти что братом, но кроме того, еще и щедрым покровителем. Уго понимает, скольким ему обязан и что долг этот будет только расти, однако сейчас чувствует безмерную благодарность Прану за то, что проведенные в заключении два года, один месяц и двадцать два дня можно считать чрезвычайно важным этапом в его жизни. Пожалуй, Чавес будет даже скучать по своей камере. Кто бы мог такое предположить!

Когда отворились “решетки, попиравшие его честь и достоинство”, как он станет называть их впредь, Уго вдыхает запах Венесуэлы, и ему кажется, что у него теперь две души: своя собственная и душа родины. Прежде чем ринуться в “народные катакомбы”, по его выражению, он просит позволить ему в последний раз посетить Военную академию – в офицерской форме и красном берете воздушно-десантных войск. В голове у Чавеса пролетают воспоминания о двадцати годах армейской службы и о ступенях, по которым он поднимался вверх: курсант, младший лейтенант, лейтенант, капитан и наконец подполковник. И сейчас память о каждой из этих ступеней болью отдается в его сердце, ведь с военной карьерой покончено. Он и представить себе не мог, как горько ему будет расставаться с той жизнью, поскольку никакой другой он не знал, армия сделала его тем, кем он теперь стал, сделала мужчиной и патриотом.

Вскоре после визита в Военную академию, оставшись наконец на краткое время в одиночестве, Уго снимает любимую форму и надевает *ликилики* – куртку и брюки из очень легкой ткани, которые носят по праздникам жители льяносов, венесуэльских равнин. Костюм этот немного напоминает те, в которые Мао Цзедун нарядил в свое время всех китайцев. Вот только *ликилики* у Чавеса не белого цвета, как у крестьян, а оливкового. Что ж, раз ему запрещено носить военную форму, он будет щеголять в крестьянской праздничной одежде. К тому же на этот раз он хочет выглядеть по-парадному, поскольку ему предстоит встреча с могилой Освободителя, а затем и с народом.

Перед Национальным пантеоном, старинной церковью, где покоится Симон Боливар, Чавеса ждет возбужденная толпа. Когда он подъезжает туда на белом джипе, люди взрываются аплодисментами, кричат, посылают ему воздушные поцелуи и машут руками. На сотнях плакатов запечатлено лицо нового спасителя.

Наша надежда – на улицах!

Венесуэла – Боливарианская республика!

Страна с тобой!

Чавесу с трудом удастся выбраться из джипа. Лавина почитателей бросается к нему в безумном порыве. Они налетают на него и едва не сбивают с ног, стараясь хотя бы дотронуться до своего кумира. Люди отталкивают друг друга и готовы в клочья разорвать его *ликилики*.

– Чавес! Чавес! Чавес!

Обезумевшую толпу останавливает властный голос Анхеля Монтеса:

– А ну тихо! – Он передает мегафон Уго.

Тот приветствует собравшихся и благодарит их:

– Я вышел из тюрьмы, из жестокой тюрьмы “Ла Куэва”, и первое, что решил сделать в качестве свободного гражданина, – выполнить долг совести и посетить это святое место. Я пришел сюда, чтобы напомнить, да, напомнить нашей стране про заветы Освободителя, про борьбу за достоинство, свободу и справедливость, про его призыв вести беспощадную войну против тех, кто угнетает наш измученный и героический народ.

Чавес, не скупясь, пользуется своим талантом придумывать высокопарные фразы и без зазрения совести приписывает их Боливару. Рисуясь, улыбается в телекамеры, присланные Моникой Паркер и другими каналами. Потом пространно объясняет, что Боливар, находясь на небесах, печется о жителях Каракаса, и сразу же после этого Уго добавляет, что Освободитель находится сейчас здесь, рядом с ними, смешавшись с толпой.

Под восторженные крики Чавес входит в Национальный пантеон. Его сопровождают Монте и еще кто-то из путчистов.

– Мы пришли к тебе, отец, потому что решили бороться за счастье родины, новый образ которой родился в твоей светлой голове и ради которой ты поднял свой благотворящий меч.

Они направляются к могиле героя, освободившего пять стран, словно паломники на Монте-Сакро. Возлагают венок. – Отец, мы пришли, чтобы принести тебе боливарианскую клятву. – Уго выдерживает паузу, затем на глазах у всей страны и всего мира, на глазах у тех, кто стоит внизу, еще раз клянется: – ... Богом своих предков, своей Родиной, честью и спокойствием своей души, что не будем знать покоя, пока не падут цепи, которые держат нас под гнетом...⁸ Народные выборы! Сотрем в порошок олигархов! – выкрикивает Уго и слышит в ответ громовые аплодисменты.

Между тем в толпе затерялись два человека, каждый из которых окружен невидимым кольцом телохранителей. Это Эва и Маурисио. До неузнаваемости изменив свою внешность, они с огромным вниманием следят за происходящим и фиксируют мельчайшие детали. Изучают поведение толпы и самого Чавеса, а также отношения Уго с обожающими его людьми, которые опять бешено ему рукоплещут.

⁸ Знаменитая клятва, которую Симон Боливар произнес в 1805 г. в Риме на холме Монте-Сакро, звучала так: “Клянусь моими предками, клянусь их Богом, клянусь честью, клянусь своей Родиной, что не дам отдыха своим рукам, не дам спокойствия своей душе, пока не падут цепи, которые держат нас под гнетом испанского господства”.

Уго – кандидат?

Едва выйдя из тюрьмы, Чавес получает интересное предложение, касающееся его трудоустройства: половина Венесуэлы просит недавнего узника стать президентом.

Он на полную катушку пользуется полученной свободой и начинает путешествовать по стране, держа под мышкой свое литературное оружие – брошюру “Как выбраться из лабиринта”, мутноватый политико-боливарианский и революционно-социалистический манифест, сочиненный в тюрьме “Ла Куэва” с помощью университетского преподавателя, посланного туда Маурисио Боско.

Куда бы Уго ни приехал, он говорит о том, что надо наделить правами бесправных и оказать помощь неимущим. Говорит исступленно, напористо о том, что пришла пора вернуть людям честь и достоинство. Произносит сотни речей, обнимается с сотнями сограждан. За короткое время он сумел взбудоражить всю страну. И вот в один прекрасный день Чавесу вдруг почудилось, будто Боливар шепчет ему на ухо: он должен попытаться взять власть в свои руки, но не сидя верхом на коне и не скача по полям под пулями, а приняв участие в выборах и опираясь на голоса соотечественников. Его товарищи, участвовавшие в попытке военного переворота, а также сторонники из числа гражданских, решают сплотиться и создать политическое движение, которое на сей раз пойдет демократическим путем и вступит в первое из многих для них предвыборное сражение.

До сих пор в Венесуэле у власти поочередно стояли две традиционные политические партии, и для их представителей эта новость прозвучала как удар грома среди ясного неба. Получалось, что они лишились доверия сограждан, что у них нет ни новых идей, ни привлекательных лидеров, ни способности оперативно реагировать на обстоятельства. В попытке помешать Чавесу победить они объединили усилия и договорились вместе поддержать в качестве кандидата на президентский пост некую блондинку – обожаемую всеми Мисс Вселенную, которая одновременно успешно руководила столичным районом Чакао, но, судя по всем опросам, популярность ее теперь резко падала, несмотря на все усилия Моника Паркер. Та в своей программе предоставляла равные условия обоим кандидатам и дала им возможность в прямом эфире обращаться к избирателям.

Однако в мире богатых пока еще мало кто испытывал тревогу из-за пламенных речей молодого мятежного подполковника. Были, правда, деловые люди, которые допускали, что он может выиграть выборы, признавали его харизму и близость к народу, но тем не менее они явно недооценивали Чавеса. И были твердо уверены: как только он станет президентом, жестокая реальность заставит его “выбрать правильный путь и делать то, что нужно”. Кое-кто добавлял: “Ведь управлять страной ему придется вместе с нами и с нашими людьми”. Самые крупные предприниматели – те, что занимались строительством и получали государственные заказы, – готовились купить его. Поэтому наиболее опытные и циничные представители экономической элиты без малейших сомнений приняли решение немедленно предложить Чавесу свою помощь. Надо было заранее обеспечить себе место поближе к победителю, тогда с ними и впредь будут заключать прибыльные контракты на строительство дорог, аэропортов и жилья для населения...

Используя своих агентов и информаторов, Эва Лопес и Маурисио Боско следили за каждым шагом ставшего знаменитым бунтовщика и собрали довольно схожую информацию, а на ее основе пришли к схожим выводам. Обоих поразила вдруг проявившаяся политическая ловкость Чавеса. “Нет, это не обычный военный. Это прирожденный политик!” – шепчет Маурисио, читая одно из полученных донесений.

Там сообщалось, что Уго развивает бешеную деятельность: участвует в манифестациях, выступает на митингах, каждый день дает интервью для радио и телевидения и частным порядком встречается с представителями самых разных слоев общества. Он не отказывается практически ни от каких приглашений и пользуется любым случаем, чтобы доходчиво разъяснить, кто он такой, кем был раньше и каковы его основные цели и задачи. Ему удается побывать везде.

Если, например, Чавес приезжает в дома крупных предпринимателей, которые устраивают изысканный ужин специально для него, чтобы подольститься и укрепить отношения, Уго, вместо того чтобы войти в главные двери, решительно выбирает черный ход, задерживается на кухне, дружески и запросто обнимается с каждым из поваров и официантов. Он демонстративно посвящает гораздо больше времени, чем нужно, разговорам со слугами, фотографируется с ними, расспрашивает их про семьи и очаровывает своей человеческой простотой и готовностью вникнуть в проблемы этих людей. А хозяйева между тем обмениваются недоуменными и нервными взглядами. Новый кандидат в президенты проявляет поразительную способность “считывать” ожидания аудитории и выстраивать свои выступления в соответствии с надеждами и тревогами слушателей. Он умеет самым чудесным образом расположить к себе даже богатую публику, которую презирает и не устает обличать.

Уго знает, что только простые люди выражают ему искреннюю, горячую и бескорыстную поддержку, и не упускает случая с чувством подчеркнуть, что этот народный энтузиазм – “есть реакция угнетаемого и уставшего страдать народа. Народ знает, что может доверять мне, потому что я и сам вышел из народа и никогда не отвернусь от простых людей”. Все опросы показывают, что подобные слова находят самый широкий отклик и что популярность Чавеса растет день ото дня.

Выбранной Уго линией поведения очень довольны кубинцы. Маурисио изо всех сил старается внедрить в его окружение своих людей, чтобы они завоевали доверие Чавеса и взяли на себя ключевые роли во время избирательной кампании. Два года работы Маурисио в Венесуэле все-таки не прошли даром, есть очевидные результаты. Как уже говорилось, многие специалисты, навещавшие Уго в тюрьме, чтобы побеседовать о политике, экономике и международных отношениях, на самом деле являлись еще и агентами кубинцев или симпатизировали режиму Кастро. Во время таких “тюремных семинаров” Уго, вроде и сам того не заметив, получил “очень кубинское” представление об экономической теории и политической философии, а еще завел близкие дружеские отношения с “учителями”, которые щедро отдавали ему свое время и делились своими знаниями. Эта так называемая интеллектуальная сеть, сплетенная вокруг узника, очень пригодилась ему теперь, когда он начал борьбу за власть.

Кроме того, Маурисио постепенно готовил почву и дожидался подходящего случая, чтобы пустить в ход самое мощное секретное оружие – Фиделя Кастро. Едва приехав в Каракас, Маурисио составил план, как добиться, чтобы Уго посетил Гавану и лично встретился с Фиделем. Любые беседы с кубинским лидером обычно бывали очень продолжительными и никогда не разочаровывали устроителей: гость, кем бы он ни был, неизменно подпадал под обаяние бородатого команданте и возвращался в свою страну, став преданным последователем его идей.

Что ж, оставалось только ждать. Главное – сделать так, чтобы, когда это произойдет, Чавес не заподозрил истинных планов кубинцев, нацеленных на будущее. Правда, особый талант Фиделя в том и заключался, что он умел хорошо маскировать эти свои “далеко идущие планы”.

Петушок начинает охоту

Понятно, что во время предвыборной гонки Чавес не испытывал недостатка в деньгах. Да и популярность его неуклонно росла. К удивлению самого Уго, президентская кампания вдобавок ко всему породила нескончаемый поток красивых женщин, которые восхищались им и мечтали “узнать поближе”. Но советники Чавеса били тревогу: фотографии этого донжуана не сходили со страниц самых легковесных журнальчиков: на снимках он то с кем-то кокетничал, то кого-то обнимал и целовал, однако у женской части населения, как показывали опросы, такое поведение не вызывало доверия. Надо было – и срочно! – найти Чавесу жену. Женитьба – это именно та тактика, которая поможет отшлифовать его имидж, это безусловная политическая необходимость, не подлежащая обсуждению. Во время одной из плановых поездок Чавеса вглубь страны очаровательная журналистка Элоиса Маркес обратилась к нему с просьбой об интервью для своей передачи на радио. Наш петушок постарался произвести на нее впечатление – иными словами, тотчас начал охоту. А тут, между прочим, было от чего прийти в восторг! Он увидел перед собой бывшую королеву красоты – обворожительную, белокурую, голубоглазую. Петушок пел ей песни, танцевал с ней, чтобы разжечь пламя в ее душе, хотя оно и так там уже полыхало. Элоиса всего лишь взяла у него интервью, но при этом сама отдала ему свое сердце. Девушка не сводила с него восхищенных глаз. Петушок подмигивал ей, легко касался руки, попросил номер телефона, но позвонил не сразу, а заставил Элоису прождать несколько дней. Уго готовился начать ухаживание по самым высоким правилам любовного искусства. Например, по прошествии нескольких недель стал читать ей по телефону отрывки из романтической переписки Боливара с его любовницей Мануэлитой Саэнс⁹. Элоиса на прощанье в свою очередь тоже повторила ему слова Мануэлиты: “Я патриотка и ваша верная подруга”. Она почувствовала себя героиней романа. Видела перед собой мужчину, который умеет ухаживать как положено, поэта, романтика, каких больше не осталось в этом мире. Вскоре они начали появляться вместе в обществе и на телеэкранах, их фотографии заполнили страницы журналов. Приняли они, разумеется, участие и в программе Моника Паркер.

– Расскажи, Элоиса, что чувствует женщина, на которой остановил свой выбор самый завидный жених Венесуэлы? – спросила журналистка.

Элоиса посмотрела на нее кротко и с легким кокетством, сжала ее руку и ответила с чувством собственного достоинства:

– Я самая счастливая женщина на свете, но это накладывает на меня и огромную ответственность. Быть рядом с таким замечательным человеком значит, что и я тоже должна участвовать в построении новой Венесуэлы.

Уго легко изображал милое смущение – он был доволен, но неожиданно отвел взгляд от Элоисы, улыбнулся в камеру, а потом посмотрел прямо в глаза Монике. После окончания передачи, воспользовавшись тем, что Элоисы рядом не оказалось, Уго подошел к журналистке достаточно близко, чтобы прошептать ей на ухо:

– Не думай, что если я сейчас с ней, то мне нет до тебя никакого дела. Я все время думаю только о тебе. Ты сводишь меня с ума. Позвони мне в любой час, и я все брошу ради тебя.

Моника была поражена и не знала, как реагировать на его слова. Она покраснела и не могла скрыть нервного возбуждения, что Уго воспринял как свидетельство интереса к нему. Но на сей раз талант чуткого интерпретатора чужих настроений подвел Чавеса – он ошибся. На самом деле Моника чувствовала глубокое возмущение, которое переросло в бешенство, когда она увидела довольную улыбку гостя ее программы. Поглядев ему тоже прямо в глаза, Моника

⁹ *Мануэлита Саэнс* (1795/1797–1856) – латиноамериканская революционерка, возлюбленная Симона Боливара. В 1828 г. спасла Боливару жизнь во время покушения и получила от него прозвище Освободительница Освободителя.

сказала: – Уго, как тебе не стыдно! Тут рядом находится твоя супруга, женщина, которой ты обязан отдавать все свое внимание. А я сейчас просто делаю свою работу, то есть нахожусь при исполнении служебных обязанностей. И требую уважения к себе!

Уго молча посмотрел на нее. Очень холодно посмотрел. Он не ожидал услышать подобную отповедь. С ним никто и никогда так не разговаривал.

Как и предсказывали советники, тот факт, что кандидат в президенты “всерьез изменил свой семейный статус”, сразу добавило очков в его рейтинге. “Красавица и чудовище” – так теперь называют эту пару светские репортеры. Некоторые, правда, добавляют, что подполковник Чавес напоминает не столько чудовище, сколько перуанского, или скального, петушка, который считается символом Баринаса, его родного штата. Это естественная среда распространения красного петушка – птицы свободолюбивой, кокетливой и красивой.

В следующие недели события разворачиваются с невероятной скоростью. Ходят слухи, что Элоиса беременна. Еще через какое-то время в прессе появляются сообщения, что пара узаконила свои отношения и что церемония была скромной, но очень романтической. Теперь Элоиса, демонстрируя свой заметно выступающий животик, тоже начинает участвовать в избирательной кампании, борясь за голоса для своего петушка. Ее нежный голос призывает поддержать подполковника, и это добавляет романтические черты и его образу, и всей кампании. – Я как женщина и мать испытываю страх. Страх мне внушают нестабильность нашей жизни, разоренные больницы и школы, безработица и коррупция. Но страх не должен лишать вас надежды. Не поддавайтесь страху. Голосуйте за Уго Чавеса, и он решит все ваши проблемы, – советует она с прелестной улыбкой.

В то время пока политическое будущее страны еще только решалось, в самый разгар предвыборной гонки у Чавеса и его новой жены родилась дочка. К радости Прана, его советника Вилли Гарсиа и политтехнологов, работавших на Чавеса, тот прямо на глазах у публики превратился в прекрасного отца и любящего мужа, который преданно заботился о своей недавно образованной чудесной семье.

Все выглядели счастливыми. В первую очередь Элоиса. Она пока еще не знала, что нельзя так уж слепо и во всем доверять петушкам. Они звонко и неотразимо поют, но частенько оставляют самку одну с птенцами в их общем гнезде. Самка петушка, наивная, полная иллюзий, даже не подозревает, что самцам нравится летать на свободе, вечно искать новые места, порхать и покорять сердца, что они ненасытны и вечно готовы устремиться в погоню за новыми и новыми самками. Это у них в крови. Неконтролируемая тяга, записанная в их генетическом коде.

Знакомство с Фиделем

– Куба? Они хотят, чтобы я произнес речь еще и на Кубе?

Гаванский университет пригласил Чавеса прочесть лекцию. О будущем Латинской Америки. Не больше и не меньше. Его глаза загораются, руки сами собой начинают аплодировать, сердце отбивает ритмы революционных гимнов. Куба! Остров Фиделя! Уго никак не может в такое поверить. Но он всегда в первую очередь думает о деле, поэтому старается скрыть обуревающие его чувства и отвечает, что, прежде чем дать ответ, должен посоветоваться с членами своей команды. Чавес посылает за Анхелем Монтесом. И рассказывает про приглашение. Он окрылен и, вне всякого сомнения, намерен принять его.

– Ты только вообрази, Анхель! А ведь не исключено, что Фидель примет меня! Сам Фидель Кастро!

Анхель не уверен, что поездка на Кубу – хорошая идея. Это может сыграть отрицательную роль в предвыборной борьбе. Военные не любят Кастро. А еще меньше его любят американцы.

– Дела у нас идут не самым блестящим образом, Уго. Зачем ворошить осиное гнездо? Оставь это. Кстати, будет только хуже, если Фидель примет тебя и газеты напечатают фотографию, где вы с ним стоите в обнимку. Представляешь, что тогда сразу же начнется? Мы можем потерять все и вряд ли что-то выиграем. Не делай этого, Уго.

Но Анхель хорошо знает своего друга и понимает: спорить с ним бесполезно. Иными словами, в Гавану Уго полетит. Так что Анхелю не остается ничего другого, как идти и придумывать ответы на вопросы, которые непременно вызовет эта поездка. А еще – постараться свести до минимума негативные последствия. Такова его роль, и он с этим смирился. Еще со времен Военной академии Анхель был одновременно и совестью Уго, и человеком, который шел за ним следом и подтирал грязные следы, оставленные тем на дороге.

Как только стало известно, что Уго отправится на Кубу, Эва Лопес поспешила раздобыть сведения про предстоящую поездку. А также постаралась поглубже изучить историю отношений между Кубой и Венесуэлой. Лучшим своим агентам она поручила установить, как складываются эти отношения в настоящий момент. Просматривая собранные за последнее время материалы, она наткнулась на составленный еще несколько месяцев назад отчет одного из местных аналитиков и перечитала его:

Когда Уго Чавесу исполнилось пять лет, важнейшим событием эпохи стало то, что бородачи сумели свергнуть диктатуру генерала Фульхенсио Батисты. Кастро, лидер движения, превратился в живую легенду. В самого знаменитого латиноамериканца в мире.

Восхождение Фиделя совпало с большими политическими переменами в Венесуэле. В 1958 году, когда Фидель готовился захватить власть в Гаване, в Каракасе свергли диктатора Марко Переса Хименеса. И хотя эта революция свершилась отнюдь не благодаря левым повстанцам, вся страна жила надеждами на новый демократический строй и требовала разного рода перемен. Выросло значение политических партий, они вышли из подполья и стали играть главную роль в политических дебатах, а затем и пришли к власти. Получить голоса избирателей, завоевать как можно больше сторонников и превратить их в активных членов партии стало первоочередной задачей венесуэльских политиков и их организаций.

Отец и мать Уго были школьными учителями, и они очень быстро сообразили, что получить государственные должности – значит получить больше продуктов и лучшее жилье для своей семьи. А должности эти

распределяли среди своих членов две основные политические партии. Надо было только выбрать ту или иную, стать обладателем партийного билета, ходить на собрания, аплодировать на митингах и агитировать людей явиться в день выборов на избирательные участки и проголосовать за нужного кандидата. Родители Уго так и сделали, и жизнь их сразу начала улучшаться.

Визит одержавшего победу Фиделя Кастро в Венесуэлу в 1959 году потряс страну. Как будто сюда приехала знаменитейшая кинозвезда современности. Человек с самым узнаваемым на планете лицом спокойно прогуливался по улицам венесуэльской столицы. Целью его визита была просьба о финансовой помощи и политической поддержке для молодого гаванского режима. Стало более чем очевидно, насколько популярен Фидель у местного населения, и это заставило встряхнуться полуживых венесуэльских левых. Однако в политическом плане визит оказался неудачным, потому что новые демократические силы Венесуэлы не сочувствовали диктаторским режимам. “Возвращайтесь, когда на Кубе будут объявлены свободные выборы”, – было сказано бородачам. Фидель Кастро снова посетил Каракас только в 1989 году – для участия в церемонии инаугурации избранного во второй раз президентом страны Карлоса Андреса Переса, того самого, кого Чавес со своими сторонниками попытался свергнуть несколько лет спустя.

От информантов в тюрьме “Ла Куэва” Эва узнала, что среди книг, которые читал и перечитывал Уго в камере, была и речь Фиделя Кастро, произнесенная в 1959 году, когда тот несколько часов выступал под палящим солнцем перед тысячами студентов, бешено аплодировавших ему и потрясенных героическими словами:

Пусть судьба наших народов станет их общей судьбой. До каких пор мы будем пребывать в спячке, до каких пор будем разделены и останемся жертвами сильных мира сего. Если объединение наших народов принесло хорошие плоды, почему не станет еще более плодотворным объединение наших стран? Именно так рассуждал в свое время Боливар. Венесуэла должна стать лидером среди народов нашей Америки.

Для Уго уже само существование Фиделя было мощной опорой в его планах построения новой страны. И вот теперь, когда он стал кандидатом в президенты, судьба награждает его поездкой на Кубу! Чавес пакует чемоданы, застегивает *лики-лики*, надевает красный берет и в сопровождении неразлучного с ним Анхеля летит в Гавану коммерческим рейсом.

Самолет приземляется в Гаване, замирает на взлетно-посадочной полосе, и в салон поднимаются два высших офицера, которые желают побеседовать с подполковником Уго Чавесом. Тот чувствует волнение, встает и по-армейски отдает честь. Он не протестует, когда его под охраной ведут к дверям самолета. На самом деле Чавеса должны доставить напрямую на встречу с бородачом. Анхель собирается последовать за другом, но один из встречающих вежливо, но решительно останавливает его: подполковник Чавес выйдет из самолета первым и один.

Нет, это не две мужских руки сомкнулись в рукопожатии. Это была встреча двух душ-близнецов, которые вдруг нашли друг друга, – двух революционных душ и двух товарищей по борьбе. Оба, и хозяин и гость, спешат высказаться – они перебивают друг друга, расхваливают друг друга, цитируют политические высказывания великих борцов за свободу прошлых веков, то и дело упоминают имена Симона Боливара и Хосе Марти, говорят про обездоленных и беззащитных, а также про отважных борцов с империализмом. И разумеется – про ненавистные обоим правящие верхушки, которые грабят Латинскую Америку. Но ни Фидель, ни Уго не высказывают своего мнения о недавних событиях в их собственных странах. Подполковник

Чавес, разумеется, не повторяет того, что заявил в одном из своих интервью Монике Паркер, назвав кубинский режим диктатурой, а Кастро словно никогда и не осуждал попытку военного переворота и свержения президента Карлоса Андреса Переса, который был его безусловным союзником и стал в конце концов даже другом. Фидель, как и государства, не имеет друзей, у него есть только определенные интересы. Ни Фидель, ни Уго не говорят ничего такого, что могло бы омрачить атмосферу, царящую на этой встрече, когда каждый старается произвести наилучшее впечатление. Они пока еще не знают, что эти улыбки, эти восхваления, эти шутки и обмен радужными планами станут теми семенами, из которых вырастет долголетний и прочный союз между отцом кубинской революции и его молодым последователем – и тот совсем скоро превратится в самого близкого и полезного ему политического *сына*. И эти отношения затронут миллионы людей и многие страны. Кому на пользу, а кому и во вред.

Как и предвидел Маурисио Боско, Чавес был восхищен патриархом латиноамериканских левых. Их встреча не только заставила Уго по-новому взглянуть на свою страну и на перспективы, которые открывал перед ней союз с революционной Кубой, но также изменила его взгляд и на самого себя. Беседа с Фиделем словно придала личности Уго планетарный масштаб. Старый кубинский лидер внушил Чавесу, что тому следует мыслить глобальными категориями, как всегда поступал сам Фидель. Недостаточно осуществить перемены лишь в одной стране. Надо изменить весь континент. А по мере возможности и весь мир. Мало того, ставить перед собой именно такие задачи – это сегодня не мегаломания, а историческая необходимость. Подполковник Чавес должен действовать и за пределами Венесуэлы – выступить в роли защитника всех угнетенных народов Латинской Америки и при этом действовать, разумеется, под руководством и при поддержке Фиделя Кастро.

Уго вернулся на родину с душой, пылающей революционным огнем. Его речи становятся более радикальными и агрессивными, и ни Анхель Монтес, ни кто-либо другой не могут его удержать. Он выступает против коррупции, разъедающей традиционные политические партии, против олигархии – этот новый для него термин Чавес теперь использует постоянно. Он настаивает, что надо решительно бороться с бедностью, неравенством, а также с империализмом – еще одно слово, с некоторых пор прочно вошедшее в его лексикон.

Не выходит у него из головы и следующее предупреждение Фиделя: “Будь предельно осторожен: ты можешь пойти очень далеко, но прежде тебя попытаются убить”.

Хороший вильяно

Были времена, и не слишком далекие, когда *вильянос* считались хорошими людьми. *Вильянос* их называли потому, что жили они в *вильясах* – небольших поселках. Но как случилось и с другими словами, изменившими со временем свое значение, скромность и необразованность *вильянос* постепенно стали синонимами подлости, грубости и дурного нрава. Судя по всему, и сами *вильянос* не очень-то понимают, почему история превратила их в плохих людей.

Были и другие времена, уже более близкие, когда Гильермо Гарсиа тоже был хорошим человеком. Он родился и вырос в буржуазной семье, принадлежавшей к верхушке венесуэльских предпринимателей, но тогда страна была еще процветающей и демократической. Он получил юридическое образование, затем степень магистра в Школе бизнеса Гарвардского университета. Как и предначертано было ему судьбой, женился на красивой девушке из общества, у них родились три дочери. Семья считалась образцовой. Во всяком случае внешне. Он не лишал себя удовольствия время от времени переспать с юными “подружками”, хотя делал это, конечно, в большой тайне. Не прося у Бога чудес, Вилли годами управлял своими прибыльными предприятиями, что позволяло семье жить как в раю. И вот однажды случился один из тех банковских кризисов, которые основательно встряхивают страну. Кризис этот покончил со всеми его увлечениями и перечеркнул планы на будущее.

В Венесуэле регулярно, то есть каждые десять – двенадцать лет, происходило нечто подобное: начинали распространяться слухи, что в каком-нибудь крупном банке наметились проблемы, потому что его владельцы украли вклады клиентов или потратили их на кредиты себе самим либо другим фирмам, принадлежавшим им же, либо их родственникам, либо подставным лицам. Разумеется, отданные в кредит деньги испарились. Эти огромные долги, которые банк не мог себе вернуть, означали угрозу для сбережений вкладчиков данного банка. Слухи ширились и провоцировали “банковскую панику”, а она, в свою очередь, заставляла клиентов бежать из этого и других банков. Люди больше им не доверяли и хотели забрать свои деньги у банков, попавших в “плохую ситуацию”. Чтобы отдать вклады клиентам, банки – как рухнувшие, так и платежеспособные – вынуждены были немедленно вернуть все выданные раньше кредиты и не возобновлять те, срок которых заканчивался. Результаты бывали катастрофическими.

Пришел черед и Вилли. За считанные дни его фирмы попали в черные списки, и банкиры, когда-то бывшие друзьями всей его жизни, потребовали, чтобы он в самые кратчайшие сроки расплатился со всеми долгами, а он этого сделать никак не мог. Будучи опытным предпринимателем, он настаивал, чтобы ему дали время – то есть возможность платить частями, но ему в этом отказали. Вилли стал банкротом. Буквально за несколько недель он потерял дом в роскошном столичном районе Кантри Клуб, дома на побережье и в Майами, яхту и собственный самолет. Не сегодня завтра он мог оказаться с семьей на улице. И когда понял, что уже нет никакой надежды на спасение, к нему робко подошел начальник его охраны, оставшийся верным хозяину:

– Простите, что беру на себя смелость обратиться к вам, но я видел, как все от вас отвернулись и оставили одного. Кажется, я знаю человека, способного вам помочь, это один мой хороший друг, который и мне самому сильно подсобил в нужный час. Вы, наверное, его знаете.

– И как же зовут твоего друга?

– Все называют его просто Праном.

Поначалу Вилли не очень поверил в то, что может получить помощь от совершенно незнакомого человека. Но так как терять ему было нечего, он решил рискнуть и сказал, что готов обсудить свои дела с кем угодно. Хуже уж точно не будет. Короче, Вилли Гарсиа согласился познакомиться с таинственным благодетелем. И они сразу же сошлись. Вернее сказать,

щупальца осьминога из тюрьмы “Ла Куэва” взяли Вилли в плен. Гарсиа и Пран выпивали, вели долгие беседы, и Вилли вдруг понял, что случилось чудо и этот странный тип спасет его от банкротства. Удивительно было услышать, как Пран обещает дать распоряжения, чтобы один из главных швейцарских банков предоставил Вилли кредит, и тогда тот сможет рассчитаться с венесуэльскими банками, а значит, у него появится время для спасения своих предприятий. Вилли был потрясен и не мог скрыть слез радости. Ведь это спасет и его самого, и его семью! Немного придя в себя, он почувствовал сомнения и приготовился к худшему. “Этот человек потребует от меня чего-нибудь невозможного”, – подумал он.

– В обмен на что? – спросил Вилли едва слышно.

Последовала мучительная пауза. Пран бросил на него колючий, но одновременно и дружелюбный взгляд и опять сказал нечто весьма неожиданное:

– Ни на что. Пожалуй, единственное, что я бы тебе предложил, хотя и не как постоянное условие, это стать моим партнером, чтобы мы начали работать вместе. Я собираюсь создать большую деловую империю, она будет легальной, уважаемой и хорошо управляемой... И я хочу, чтобы ты ее возглавил. Отчитываться, само собой разумеется, будешь лично передо мной. Но сам я предпочитаю оставаться в тени, понимаешь? Сейчас постараюсь объяснить доходчивее. Если говорить на твоём языке, то я предлагаю тебе стать генеральным директором и акционером некоего конгломерата разных быстро развивающихся фирм, которые я контролирую. Ясно?

От волнения Вилли встал со стула. Выражая согласие, он протянул Прану руку. Пран победно улыбался. Но не пожал протянутой руки, а обнял Вилли как своего лучшего друга. Так что Вилли сегодня теоретически управляет банком, несколькими строительными и транспортными компаниями, а также одной телевещательной. Но на практике настоящим, хоть и тайным, хозяином всего этого является человек, которого никто не знает, – Юснаби Валентин.

Взгляд

Прожив в Каракасе два с лишним года, Эва Лопес вполне заслуженно добилась известности. Она умна, мила, является отличным специалистом своего дела и всегда готова наилучшим образом ответить на пожелания клиенток. Многие из них стали ее близкими подругами и ввели Эву в свой круг.

Каждый день она проводит по несколько часов в конспиративном кабинете, надежном убежище, недоступном для посторонних, тайно оборудованном во внутренних помещениях “Черного дерева”. Оттуда она следит за тем, как растет и ширится возглавляемое Чавесом движение. Эва раньше многих сумела понять, что мятежного подполковника уже ничто не остановит. Он будет президентом Венесуэлы.

Эва создает особый мир, состоящий из невидимых сетей, которые плетут опытные агенты, анонимные помощники и много прочих людей, и все они, зная о том или нет, дают ей материалы для догадок или твердых выводов. Эва всегда действует чужими руками: покупает союзников и заводит дружеские связи с теми, от кого можно будет позднее иметь важную информацию. Таким образом к ней стекаются сведения, полученные от политиков, военных, банкиров и журналистов. И разумеется, Эва считает своей маленькой победой каждый случай, когда завербованная ею женщина втирается в доверие к одной из многочисленных любовниц Чавеса. Эву также не может не радовать, что ее подлинная личность и цель пребывания в Венесуэле по-прежнему остаются тайной за семью печатями. В ее непосредственном подчинении находятся два суперагента ЦРУ, которые и руководят всеми остальными и выполняют данные Эвой задания. Но они никогда не видели ее лично и получают инструкции и передают ей информацию с помощью зашифрованных посланий. Обычно приказы от Эвы приходят к ним глубокой ночью.

Спит Эва неважно. Точнее сказать, почти не спит. Это единственный способ не видеть преследующих ее кошмаров и не дать им подчинить себе всю ее жизнь. Ближе к рассвету, когда задания розданы, вопросы поставлены, а донесения изучены и отправлены начальству, Эва читает романы, помогающие отогнать сон. Исключительно романы про любовь, в которых нет даже намек на шпионаж или насилие. Такие книги не только защищают ее от кошмарных сновидений уже только одним тем, что мешают заснуть, но еще и дают повод поразмышлять над историей собственной любви. Иногда отношения с безнадежно женатым, безнадежно республиканским и безнадежно привлекательным сенатором Бренданом Хэтчем кажутся ей не столько великой любовью, сколько подобием пошлых мексиканских сериалов, из тех что ее мать вечно смотрит по телевизору. На самом деле роман Эвы с Хэтчем можно воспринимать по-разному. Встречаясь, они каждый раз занимаются любовью так, словно это происходит впервые. А потом ведут долгие беседы о том, что интересно обоим: о шпионаже, разведке, международных делах, махинациях вашингтонских политиков, выборах, о том, кто уверенно двигается вверх, а кто катится вниз, кто достигнет вершины власти, а кто разобьется по пути к ней. А еще, разумеется, о том, кто с кем спит.

Оба уверены, что лучшего партнера для любовных отношений ни у него, ни у нее никогда не было. Кроме того, ни с кем и никогда они не могли бы вести таких разговоров. Хэтч – глава сенатского комитета по разведке, и этот пост дает ему не только существенную власть, но и доступ ко всей секретной информации в стране. Эва, которая во время свиданий с Хэтчем снова превращается в Кристину, тоже работает с разной информацией, попадающей в ЦРУ. Соединение того, что знает каждый из них, помогает взглянуть на положение вещей под совершенно неожиданным и очень полезным для обоих углом зрения. Безусловно, их встречи значат для Эвы и Хэтча много больше, чем страсть и секс. Или так только кажется влюбленной

женщине? И этот вопрос тоже задает себе Эва/Кристина. А ответ на него пытается найти в любовных романах, которые проглатывает один за другим.

Хэтча часто называют в прессе в числе возможных кандидатов на президентский пост – считается, что у него есть хорошие шансы выиграть выборы. Кристина чувствует огромную гордость за него, но в то же время ее одолевает и глубокая печаль. Если Хэтч, как он иногда обещает, разведется, чтобы жениться на ней, на этом оборвется его путь к Белому дому. Избиратели-республиканцы никогда не простят ему, что он бросил жену и детей и женился на сотруднице ЦРУ, мексиканке, которая когда-то нелегально проникла в США. Эва знает, что если Хэтчу придется выбирать между президентским постом и жизнью с ней, он без колебаний выберет первое. Одной частью своей души Эва понимает это и восхищается им. Но вот второй частью ненавидит политические амбиции, не позволяющие ему стать ее мужем. Она хочет, чтобы он принадлежал ей всегда, всю жизнь, каждый день и каждую ночь. Ей уже мало очень пылких и чудесных, но случайных встреч, которые с немыслимыми предосторожностями они устраивают на одном из райских и защищенных от любопытных глаз островов Карибского моря, не слишком удаленном от Венесуэлы. Всякий раз, возвращаясь в Каракас после таких свиданий, Эва чувствует себя ужасно. На нее нападают тоска и грусть, и единственный способ одолеть дурное настроение – работа. А работы ей хватает.

Приближаются выборы, и Венесуэла переживает что-то среднее между ураганом и политическим карнавалом. Эва завалена всякого рода срочными и неотложными делами. При этом она не перестает удивляться природному политическому таланту, который демонстрирует Уго.

Эва пристально следила за его избирательной кампанией, отыскивая тайный смысл даже в том, что Чавес иногда на время замолчал. Но она не только изучала все его выступления, заявления и интервью, но и получала донесения о каждом его шаге, а порой ее агентам удавалось подсоединиться к его телефонным разговорам и подслушать беседы сугубо личного характера.

Но Эва хочет большего. Она хочет еще раз увидеть его, пусть хотя бы издалека. Ей известно, что скоро Чавес появится в центре столицы на одном из последних перед выборами массовых митингов. Она поддается соблазну и решает собственными глазами поглядеть, как, с какими чувствами народ встречает своего самоотверженного лидера. У Эвы в “Черном дереве” имеются охранники, небольшая, но отлично натренированная группа слепо преданных хозяйке парней, поскольку она относится к ним хорошо, а платит еще лучше.

Когда они все вместе являются на площадь, Эва велит охранникам держаться от нее на приличном расстоянии и не привлекать к себе внимания. Наконец она видит Чавеса – он стоит на трибуне, расположенной довольно далеко от Эвы, окруженный телохранителями. Рядом с ним – блондинка, его жена, она улыбается и с энтузиазмом тянет вверх левую руку со сжатым кулаком. Это настоящий “красный” праздник, на котором главную роль играет Уго. Здесь же, на площади, продают красные береты, футболки и трехцветные ленты с его именем. Бьют барабаны, повсюду видны флаги и плакаты. Толпы женщин посылают Чавесу воздушные поцелуи. Эва решает смешаться с толпой. Она уверена, что охрана последует за ней на положенном расстоянии и не выпустит из виду. Но все получилось иначе. Парни действительно попытались не отрываться от Эвы, но почему-то притормозили и потеряли ее.

Кандидат в президенты говорил людям именно то, что они и хотели услышать, спеша на площадь: про честь и достоинство, про равенство и справедливость. Он вещал, смакуя каждый слог:

– Не забывайте слова Освободителя Симона Боливара: “Объединение! Иначе анархия нас поглотит!”

Потом, распалая гнев собравшихся, он сообщил, что в стране уже разработан план, направленный на саботаж предстоящих выборов. Кроме того, есть семь наемников, получив-

ших приказ убить его самого, Чавеса. Но если с ним что-нибудь случится, ответственность за это ляжет на нынешнего президента.

Эва с интересом слушала долгую речь, пересыпанную зажигательными фразами, клеймящими империализм. Между прочим, фразы всегда были одни и те же, он повторял их повсюду. Но они неизменно действовали на публику. Толпа с возмущением ответила на разоблачения, прозвучавшие из уст Чавеса, страсти накалялись. Обстановка стала угрожающей. Эва почувствовала, как толпа сдавливает ее, девушка начала задыхаться. Пора было уходить с площади и возвращаться домой, но тут произошло нечто, буквально пригвоздившее ее к месту.

Словно магнитом Эву притянул к себе взгляд мужчины, который стоял в нескольких шагах от нее. Он рассматривал Эву с нескрываемым интересом. Даже с восторгом, забыв обо всем, что происходит вокруг. Но Эва, пряча взгляд за большими солнечными очками, сделала вид, что ей его внимание безразлично, как чаще всего и поступают женщины, стараясь скрыть свои истинные чувства.

Она поняла, что он собирается подойти к ней, но их разделяла плотная стена разгоряченных людей, хором откликавшихся на каждую зажигательную фразу Чавеса, и тысячи аплодирующих рук. Хотя на самом деле незнакомому мужчине помешало нечто другое. Внезапно группа крепких парней, вооруженных дубинками, врезалась в толпу и принялась лупить всех, кто попадал им под руку. Никто не мог понять, кто они такие, однако у Эвы сразу мелькнула нехитрая мысль, что их, скорее всего, нанял кто-то из политических противников Чавеса. Громилы были уже совсем близко и от Эвы, и от мужчины, который хотел пробиться к ней. Тем временем участники митинга, решив отбить атаку незваных гостей, пустили в ход камни и обрезки труб. Вмешались и спецподразделения полиции, пытаясь навести порядок, а телохранители окружили кандидата и увели с трибуны. Толпа разбегалась во все стороны. Взрывались петарды, звучали выстрелы, плыли, ослепляя людей, облака слезоточивого газа. Ничего нельзя было разглядеть. Эва плохо ориентировалась в лабиринте окружавших площадь улиц и переулков. Она старалась отыскать хоть кого-то из своих охранников, но не увидела ни одного знакомого лица. И продолжала бежать, спасаясь от слезоточивого газа. Наконец она попала на знакомую площадь. Там взяла такси и попросила отвезти ее в «Черное дерево». Сидя в машине, Эва с удивлением отметила: почему-то она думает сейчас не о кандидате в президенты и не о только что пережитых событиях, а о смотревшем на нее мужчине.

Я вовсе не дьявол

Сторонники Уго боготворят его. Самые фанатичные из паствы Чавеса объявляют его настоящим ангелом, а еще – прекраснейшей реинкарнацией прекраснейшего из людей – Симона Боливара. Они ходят на все его митинги и терпеливо стоят под нещадно палящим солнцем, слушая выступления, которые порой растягиваются на долгие часы. Они заполняют кинозалы, превращенные в евангелистские храмы, а также баскетбольные площадки в бедных районах, бейсбольные поля, арены для боя быков и школы. Поджидают его у выхода из теле-студий и радиостанций, где, по их сведениям, он находится. Вырезают фотографии Уго из газет, вставляют в рамки и вешают на стены у себя дома. Многие молятся ему и просят о чуде.

Благодаря этому мощному политико-религиозному движению избирательные кампании соперников Чавеса выглядят блекло и беспомощно. Они практически медленно умирают, страдая политическим истощением. Им не хватает той народной энергии, которую Уго впитывает и одновременно излучает. Никто не может соперничать с народным героем в красноречии и умении привлекать на свою сторону все новых и новых людей.

Эпические сказания о борьбе за независимость, мифы и легенды, а также культ Симона Боливара, который уже много десятилетий существует в стране, – теперь все это стало оружием, служащим Уго Чавесу для достижения его мессианских политических целей. Часто во время рабочих совещаний он оставляет один стул пустым – чтобы там “расположился дух отца”. И публика восторженно одобряет подобные жесты, свято веря, что рядом действительно незримо присутствует герой, выше которого не знала их история.

Уго исполняет куплеты, сочиненные им тут же по ходу дела на глазах у толпы возбужденных провинциалов, посещает бейсбольные матчи, вызывая взрывы ликования на трибунах, крестит новорожденных Симонов и Уго, выступает в университетских аудиториях, срывая бурные аплодисменты. Он говорит: *Gringos, go home!*¹⁰ и клянется, что весь Пентагон дрожит от страха при звуке его голоса.

А еще он дает обещания. Кандидат в президенты обещает. Обещает восстановить утраченные честь и достоинство страны. Обещает вновь обеспечить гражданам безопасность. Обещает внести изменения в Конституцию Венесуэлы с помощью Конституционной ассамблеи, избранной самим народом. Обещает изменить политическую систему, чтобы установить подлинную демократию. Обещает отказаться от власти, если за пять лет правления не выполнит своих обещаний. Обещает провести новые переговоры относительно внешнего долга и добиться приемлемых условий для его выплаты. Обещает с уважением относиться к предпринимателям. Обещает оживить национальную промышленность. Обещает лучше распределять доходы от нефти. Обещает уважать независимость частных средств массовой информации. Обещает не быть авторитарным. Обещает. Обещает.

Зарубежная пресса не доверяет его обещаниям. Ведь всем хорошо известно, сколько прошло по Латинской Америке диктаторов, рядившихся в одежды демократов. Поэтому трудно до конца поверить заявлениям внезапно явившегося подполковника-мессии, который свел с ума всю Венесуэлу. Кто он такой на самом деле?

Многие журналисты без тени сомнения воздают ему хвалы. Другие занимают более осторожную позицию. Они выжидают. По их мнению, слишком большие надежды неизбежно приводят к большим же разочарованиям. Но есть и такие, как Моника Паркер: сначала она скептически отнеслась к обещаниям Чавеса, а теперь слушает их с одобрением. Правда, Моника не торопится делиться своим личным мнением с телезрителями.

¹⁰ “Гринго, убирайтесь домой!” (англ.)

Чавес взял за правило в любой ситуации держать себя покладисто и вежливо. Отвечая тем, кто обвиняет его в популизме, желании взять на себя роль избавителя, в фашизме, вождизме и социализме, он с улыбкой объясняет:

– Я вовсе не дьявол. И не социалист. Я собираюсь работать вместе с людьми, которых объединяет общность идеалов, и цели у нас самые гуманистические – боливарианские.

Поддержка на всех фронтах

– Этот год был отмечен рукой Истории, – говорит Уго на одном из последних перед выборами многолюдных митингов.

Идет первая неделя декабря – последняя неделя предвыборной кампании. Чавес уже не сомневается в своем политическом будущем.

– Никто и ничто не помешает народу победить в ближайшее воскресенье! – выкрикивает он.

И Чавес оказался прав. Его призыв бороться за честь и достоинство, а также много раз повторенное заверение, что единственный путь к миру – это именно его путь, обеспечили ему большинство голосов, необходимое, чтобы стать хозяином дворца Мирафлорес. Менее чем через месяц прошли выборы губернаторов штатов и нового состава Конгресса Республики – и они тоже свидетельствовали о головокружительном успехе только что созданного революционного движения Чавеса. Победу одержали почти все сенаторы, депутаты и губернаторы, которых поддерживал Уго. Вроде бы это указывало на то, что дорога перед ним открыта и он сможет беспрепятственно руководить страной. Но как поведет себя Чавес теперь, получив в руки власть?

Во время первой пресс-конференции, которую он устроил в качестве законно избранного президента, он весьма к месту повторил восклицание другого легендарного персонажа – Иисуса из Назарета, чем до слез растрогал своих почитателей:

– Свершилось!¹¹

Скептики и слишком недоверчивые люди остались в меньшинстве. За семейными обедами и в студенческих аудиториях, на совещаниях банковских служащих и в профсоюзах горячо обсуждались перемены, которые принесет с собой победа Чавеса: появится новая Конституция для новой Венесуэлы.

Общее настроение – безоглядный оптимизм, страна ждет от Чавеса сразу всего, хотя экономическое положение не слишком обнадеживает: цена на нефть, главный продукт экспорта, еще задолго до выборов начала резко падать. Запасы долларов иссякают, и правительству придется принимать непопулярные меры, прежде всего, урезать государственные расходы. В тот редкий момент, когда Уго удалось остаться наедине со своим другом Анхелем, новоиспеченный президент признался:

– Иногда мне кажется, что это не может быть правдой, Анхель. Я до сих пор до конца не могу поверить в то, что произошло. Но ведь мы этого добились! И теперь перевернем в нашей стране все вверх тормашками, черт побери!

Анхель задумчиво посмотрел на него и ровным голосом предупредил:

– Будь осторожен, Уго. Мы должны быть реалистами. При нынешнем положении дел будет трудно выполнить все обещания, которые ты надавал народу. Впредь не обещай людям, твоим избирателям, слишком многого. Иначе они почувствуют себя обманутыми, и это обернется против тебя же. Мы можем остаться в одиночестве, если наши сторонники разочаруются в тебе и в наших планах.

Чавесу слова друга не понравились.

– Ничего подобного не будет! Ты вечно во всем сомневаешься, Анхель. У нас все получится. И кроме того, я никогда не забывал пророчества великого китайского военачальника и мыслителя Сунь-цзы: “Воин, если ты после победы возвращаешься с поля боя, вложи свой меч в ножны. Погляди на Господа, поблагодари Его и отправься скромно праздновать свою победу, но молча, потому что завтра будут новые бои”.

¹¹ Отсылка к: “Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!” (Иоанн 19:30)

В ответ Анхель опять лишь молча посмотрел на друга.

Тем временем, пока Чавес со своими сторонниками праздновал победу, за кулисами во властных кругах держали пари по поводу того, кто будет оказывать самое сильное влияние на новое правительство – Куба или Соединенные Штаты. Пран тоже радовался его успеху и готовился обеспечить себе власть, какой до сих пор у него еще не было.

Маурисио Боско и Эва Лопес, каждый на своем месте, задыхались под тяжестью навалившихся на них дел. После победы Чавеса их задачи утроились. В Гаване царил ликование, в Вашингтоне – тревога. В кабинетах обоих разведывательных управлений сотрудники неотрывно смотрели на экраны телевизоров, наблюдая за театрально обставленным прибытием в президентский дворец сотен сенаторов, губернаторов, журналистов и почетных гостей со всего мира. Один, особо почетный, прилетел из Гаваны. Караул в парадной форме. Лучезарная улыбка нового президента, которого сопровождает супруга. Чавес прижимает руку к сердцу:

– Клянусь перед лицом Господа Бога... Клянусь перед лицом Родины... Клянусь перед моим народом... Клянусь на этой умирающей Конституции... проведу... всеми силами буду способствовать... осуществлению необходимых нашей стране демократических преобразований... чтобы новая Республика получила Великую хартию вольностей, соответствующую новым временам. Клянусь!

Клятва радует осьминога из “Ла Куэвы”, хотя он хмурится, увидев в почетной ложе Фиделя Кастро, который улыбается и с довольным видом аплодирует. Предыдущий президент Рафаэль Кальдера¹², прежде слывший верным рыцарем демократии, а сейчас названный ее могильщиком, трясущимися руками надевает президентскую ленту на народного спасителя. В самый торжественный момент церемонии, когда вся страна рукоплещет, первая дама, заметно взволнованная, дарит супругу долгий поцелуй. Пран и Вилли поднимают рюмки и чокаются: этот президент – и их победа тоже.

¹² Рафаэль Антонио Кальдера Родригес (1916–2009) – президент Венесуэлы в 1969–1974 и 1994–1999 гг.

Глава 5

Медовый месяц для подполковника

Новые короли

Теперь, в свои сорок пять лет, Уго живет в резиденции “Ла Касона”, окруженной обширными садами и дворами, где есть своя часовня, много-много залов и много-много фонтанов, непременно мраморных. Прогуливаясь по кабинетам, спальням и залам, Уго с восторгом рассматривает мебель и картины, авторы которых ему неизвестны, но которые, как он полагает, должны быть знаменитыми. Чавес знает, что у него имеется обширный штат прислуги, есть повара, адъютанты, охранники и телохранители. Все эти люди специально подготовлены, чтобы служить ему, охранять его и безоговорочно подчиняться любому приказу президента. И если по какой-то причине это обиталище наскучит ему, в его полном распоряжении имеется правительственный дворец Мирафлорес. Но на самом деле он может получить в свое пользование любой дом, какой только захочет – и где захочет.

Хотя часы напоминают о скором начале торжественной церемонии и гости уже прибывают, а первая дама готова сопровождать его, Уго решает, что *сейчас* для него гораздо важнее праздника другое дело: *сейчас* чрезвычайно важно хотя бы на короткое время отдать все свое внимание библейской Книге Притчей Соломоновых, стихам Хосе Марти и речам Кастро. Гости ведь в любом случае не уйдут, не дождавшись его. Он хочет поразить их какими-нибудь замечательными изречениями, хочет услышать от них: “До чего мудрым человеком оказался новый президент! Блестящим, потрясающим, несравненным!”

Несмотря на волнение, с которым ему так трудно справиться, Чавес не может выкинуть из головы сказанную недавно фразу Фиделя. После долгого, изнурительного дня накануне принесения президентской присяги и уже почти под утро учитель и ученик встретились, чтобы поговорить наедине. Попивая виски “Чивас” – ему всегда отдавал предпочтение кубинский лидер, а теперь полюбил и венесуэльский, – Фидель задумчиво произнес:

– Именно в такие моменты стоит вспомнить великих людей. Для меня одним из таких великих был Ленин. Ему приписывают слова, великолепно передающие и то, что происходит сейчас здесь: “Бывают десятилетия, в которые не происходит ничего, и бывают недели, которые вмещают в себя десятилетия”.

– Замечательно сказано! – согласился Уго. – Истинная правда. Сейчас я сам чувствую нечто подобное.

– И ты должен использовать свой шанс, Уго...

– Постараюсь. Но мне нужна твоя помощь, Фидель.

– Ты ее получишь. Получишь, – пообещал наставник, пристально глядя на ученика и поднимая свой стакан.

И вот теперь, уже имея в руках всю полноту власти, Чавес размышляет над словами Фиделя, в то время как во дворец съезжаются самые высокопоставленные, самые выдающиеся люди. Главы государств, видные представители дипломатического, политического, военного мира, люди искусства, спортсмены, журналисты и предприниматели. Это событие звездного уровня. Тут присутствует его высочество принц Астурийский Фелипе де Бурбон. Министр энергетики США и генеральный секретарь Организации американских государств. Здесь при встрече дружески обнимаются колумбийский левый сенатор, женщина, чью голову украшает красный тюрбан, и активистка движения за права индейцев, облаченная в ритуальные одежды одного из племен Амазонии. А вот и бородатый Фидель, которого не спутаешь ни с кем, –

сейчас он стоит рядом с доминиканским бейсболистом. Чуть поодаль скромно наблюдают за происходящим вновь обретенные, но уже ставшие очень близкими друзья Чавеса – Вилли Гарсиа с супругой. Она смотрит на все широко открытыми глазами и выглядит ослепленной и, судя по всему, совершенно ошеломленной увиденным. Она пытается завести разговор с красавицей Моникой Паркер. Уго велел непременно пригласить известную журналистку на инаугурацию: ему доставит удовольствие видеть ее и знать при этом, что присутствие на празднике для Моника – приказ, который она не посмеет проигнорировать.

Ожидание длится почти полтора часа. Гости в залах дворца начинают нервничать. Им кажется, будто с огромного портрета, занимающего всю стену, Симон Боливар наблюдает за ними. А трехметровые часы как будто с намеренной настойчивостью отсчитывают нескончаемые минуты, усугубляя тревогу собравшихся из-за отсутствия хозяина дворца.

Наконец появляются президент с супругой. Уго выпячивает грудь и восклицает с сияющей улыбкой:

– Шесть лет назад я попытался ворваться в это здание с помощью танков... И у меня ничего не получилось! – Гости не могут удержаться от смеха, даже Моника улыбается. – А теперь я наконец-то оказался здесь – благодаря отданным за меня голосам избирателей. Добро пожаловать в дом слуги своего народа!

Публика аплодирует так горячо, что сотрясаются Боливар на портрете, Иисус в нише и навечно поселившиеся здесь венесуэльские президенты девятнадцатого века на написанных маслом полотнах. За президентским приветствием следует музыка, общее ликование, исторические объятия и длинная очередь из тех, кто желает поздравить Чавеса.

На лицах президента и первой дамы сияют искренние улыбки. Правда, Элоиса не замечает, с какой настойчивостью ее супруг пытается подойти поближе к Монике и произвести на нее впечатление. Наконец он пользуется тем, что супруга оказалась в другом конце огромного зала, и отводит Моника от группы, где идет оживленная беседа. И опять опытная, умеющая владеть собой и ориентироваться в любой ситуации журналистка начинает заметно нервничать. Но Чавесу кажется, что смущает Моника его любовный натиск.

– Моника, в такой вечер королевой бала должна быть только ты. Я не отступлюсь, пока мы не будем вместе и ты не позволишь мне сделать тебя такой счастливой, какой до сих пор не делал и никогда не сделает ни один мужчина.

Она не находится с ответом и спешит вернуться в прежний круг друзей, где можно чувствовать себя в безопасности и где она участвовала в общем разговоре, пока новый глава Венесуэлы не решил ею заняться. Но никто ничего не заметил, и праздник продолжается. Президент и первая дама беседуют с гостями и ведут себя как королевская пара – пусть и в стране, где уже давно нет монархии. Со временем Элоисе суждено из любящей супруги превратиться в свирепую разоблачительницу Чавеса. А ему, хотя пока он и сам об этом не подозревает, предстоит сделать выбор между двумя Уго, живущими у него в душе. Как написал Габриэль Гарсиа Маркес после знакомства с венесуэльским лидером во время специальной встречи, устроенной Фиделем Кастро: “Меня вдруг потрясла неожиданная мысль, что я совершил путешествие и с удовольствием поговорил одновременно с двумя совершенно разными людьми. Одному неумолимая судьба дала шанс спасти свою родину. А другой был фокусником и ловким обманщиком, который может войти в историю как очередной деспот”.

Ночь Львов

Настоящее празднование – праздник после праздника, или афтерпати, – началось поздней ночью, когда высокочтимая первая дама, любезнейшие родственники и почетнейшие гости удалились. Некоторые покинули дворец не прощаясь, как предписано протоколом, – чтобы не прерывать пылкие и пространные беседы хозяина с многочисленной и жадно внимающей ему публикой. И каждому, даже тем, с кем Чавес только что успел познакомиться, он давал почувствовать, что их разговор носит исключительно личный, почти интимный и при этом безусловно дружеский характер. Молодой президент сумел очаровать всех, а его обещания приводили людей в восторг и вселяли в них надежды.

Слуги в большинстве своем тоже покинули зал, осталось лишь несколько официантов. Венесуэльцы, уже заперевшиеся по домам, были уверены, что утром проснутся в другой стране.

Фидель вел себя сдержанно. На протяжении всего праздничного вечера он не хотел показывать ни то, с каким большим волнением воспринял победу своего нового друга, ни уже связывавшие обоих близкие отношения. Он меньше других глав государств беседовал с Чавесом. Прошло тридцать с лишним лет со дня, когда он приехал в этот город за помощью – и получил отказ. Но, судя по всему, судьба вот-вот вознаградит его за столь долгое ожидание.

Поэтому, когда во дворце уже не было слышно ничего, кроме легкого шороха от движения секундной стрелки по циферблату, кубинский патриарх предложил Чавесу удалиться в кабинет и побеседовать о предстоящих Уго делах. В президентском кабинете Чавес в первый раз зажег очень красивую и очень старинную лампу, которой было не меньше трехсот лет. Фидель и Уго, оба Львы по гороскопу, уселись в резные кресла красного дерева и начали, как и положено Львам, рычать. С конного портрета на стене за ними молча наблюдал третий Лев. Уго почтительно поздоровался с Освободителем, а потом достал бутылку “Чиваса” и пару великолепных стаканов из хрусталя баккара. Налил в них виски, они чокнулись.

– Удачи тебе, товарищ, – произнес свой тост Фидель.

В ответе Чавеса каждое слово свидетельствовало о том, насколько он все еще переполнен восторгами от своей победы: – Да, а еще пожелай мне безграничной народной поддержки! Ты ведь видел, какая страна лежит у моих ног?

Фидель поглаживает свою богатую бороду и хмурит брови:

– Будь осторожен. Не будь таким легковерным. Нельзя полагаться на власть, если она не опирается на пушки. У тебя слишком много врагов, и если ты действительно задумал помочь бедным, придется начать глубокие перемены, которые принесут тебе еще больше врагов. И очень опасных врагов. Которых нельзя будет усмирить демократическими методами. А их необходимо обезвредить – любыми способами.

Значит, нужен полный контроль. Президент крепко запоминает этот и другие советы своего мудрого наставника. – Как говорил Мао, власть рождается из дула винтовки. И он прав! Демократия – буржуазный фарс, – продолжал Фидель грозным тоном. – Властью либо пользуются по-настоящему, либо ее теряют. Истинный лидер ни с кем не советуется, он отдает приказы.

Итак, Уго узнал много нового для себя, так что день завершился наилучшим образом. Он уважительно слушал гостя и кивал, но на самом деле в глубине души не считал, что ему придется доходить до крайних мер. Однако и возражать не стал. Напротив, всем своим видом демонстрировал предельное внимание, впитывая поток советов и предупреждений, претендующих на высшую мудрость. Фидель настаивал на том, что личная безопасность президента – это самое важное. Глава государства не должен терять бдительности, ему следует проявлять максимальную осторожность, потому что, как показывает практика, едва только закончится

его медовый месяц с согражданами, а это произойдет скорее рано, чем поздно, оппозиция начнет дергать за все ниточки.

– Смотри, чтобы с тобой не случилось того же, что и с Альенде, – поучал Фидель, напоминая Чавесу о судьбе чилийского президента-социалиста, который, выиграв выборы, пришел к власти, но погиб во время путча 1973 года. – Я в деталях знаю всю ту историю. Я тогда на целый месяц перебрался в Сантьяго, чтобы помочь Альенде, и видел все собственными глазами. Да, вот этими глазами видел, какие подкопы под него велись. А что замышляли все минувшие годы против меня самого? Но со мной у них ничего не вышло. И я готов оказать тебе любую помощь, поделиться всеми знаниями, которые у нас накоплены, чтобы с тобой не случилось того же, что с Альенде. Ведь если тебя убьют или свергнут – прощай революция. И ты не должен этого допустить.

Уго накрепко запомнил слова Фиделя. В будущем они не раз всплывут у него в памяти в самых разных обстоятельствах. Между тем сейчас в голове у Чавеса всплыли Притчи из Библии, прочитанные перед самым приемом. И вот, извинившись перед атеистом Кастро, Уго с энтузиазмом процитировал:

– “Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают: лев, силач между зверьями, не постыдится ни перед кем; конь и козел, и царь среди народа своего...”¹³

Но Фиделю библейские головоломки мало о чем говорят. Ему нет дела до того, что Иисус Христос тоже был Львом, Львом Иуды. Поэтому он снова начал давать Чавесу советы: – Не все враги будут играть чисто. – Затем Кастро привел в пример собственный опыт и рассказал об экономической блокаде острова, а потом еще раз напомнил, что сам стал объектом более чем семисот покушений.

Но его дерзкий ученик ответил на все это еще одной библейской цитатой, правда более очевидной:

– Фидель, брат мой, “чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведника исполнится”¹⁴.

Когда небо начало светлеть, два Льва крепко обнялись на прощанье.

– Ты знаешь, что всегда можешь рассчитывать на меня, – сказал Фидель и тотчас воспользовался случаем, чтобы внедрить свое доверенное лицо в ближайшее окружение Чавеса: – Если ты не против, я пришлю к тебе лучшего из моих людей. Тебе просто необходимо иметь рядом опытного разведчика, а у меня такой есть: его зовут Маурисио Боско.

Уго поблагодарил Фиделя, тот встал и перед уходом еще раз с искренним чувством обнял Чавеса.

Президент остался один, он предался размышлениям. Несмотря на все свое уважение к Кастро, Уго отнесся к его предупреждению довольно легкомысленно: “Фидель во многом прав, но он не знает Венесуэлу так, как знаю ее я, и не знает, насколько любит меня наш народ. Мне не придется прибегать к тем крайним мерам, которые он рекомендует. Его история отличается от моей. И его время тоже отличалось от моего”.

Между тем Элоиса предавалась воспоминаниям. Она возвращалась мыслями к тем не столь уж далеким дням, когда Уго еще только ухаживал за ней. Она вспоминала, как сердце готово было выпрыгнуть у нее из груди, когда он декламировал ей по телефону стихи про ее улыбку, написанные им самим. А она, теряя голову от любви, отвечала ему, цитируя строки из переписки между Мануэлитой Саэнс, любовницей Симона Боливара, и Освободителем:

Вы хорошо знаете, что ни одна другая женщина из тех, с которыми вы были знакомы, не сумеет дать вам ту отраду, ту пылкость и страсть, которые

¹³ Притчи 30:29–31.

¹⁴ Притчи 10:24.

соединяют меня с вами. Узнавая меня, вы узнаете настоящую женщину, верную и искреннюю.

Элоиса читала эти строки с таким чувством, словно их могла написать лишь она сама и никто другой.

Ах, если бы все ограничилось любовными письмами... Хорошо ли слушал ее Уго, когда она читала про то, что “ни одна другая женщина...”? Наверное, Элоису просто сбили с толку все эти патриотические мечтания о том, как она сама будет играть роль Освободительницы при Освободителе... А в реальной жизни подхваченная вихрем событий провинциальная журналистка с головокружительной скоростью возвысилась до положения первой дамы, хотя этой профессии не обучают ни в каких университетах. “За что Господь дал мне все это?” – думает она. Но у Элоисы почти нет времени на молитвы и размышления, первая дама страны должна в самые краткие сроки научиться совмещать роли матери, супруги президента, защитницы народа и поборницы революции. “Я буду неустанно благодарить Бога и народ Венесуэлы за то, что они ответили на эту нашу общую мечту о мире и социальных переменах, – заявляет Элоиса журналистам в первые же дни после инаугурации Чавеса. – Я благодарю всех за ту мощную поддержку, которую мы получили”.

Однако медовый месяц ее царствования быстро истаял. Уже через несколько дней она поняла, чем будет чреват ее союз с мужчиной, в которого влюблена вся страна и который нужен всем всегда и повсюду. Так что в море любви очень скоро хлынут потоки черной воды.

Не забывай о нас, Уго!

Президент устроил многолюдный митинг в честь своей победы, а также чтобы поблагодарить тех, кто за него проголосовал. На его призыв откликнулись тысячи сограждан. – Власть опирается на вас, на народ, на коллектив, это он является всемогущим повелителем. А я лишь жалкая соломинка, которую подхватил ураганный ветер революции.

Толпа отвечает ему восторженными криками. Люди празднуют наступление нового этапа в истории страны – эпохи справедливости и достойной жизни. Но настроение заметно меняется, когда Чавес твердо объясняет, что управлять страной ему будет нелегко – придется сражаться одновременно со многими чудовищами. Поэтому несколько часов назад он подписал свой первый декрет: необходимо провести референдум о том, надо или нет внести соответствующие изменения в Конституцию, чтобы открыть путь “настоящей широкой демократии”. Через два месяца граждане вновь придут к урнам и будут решать, следует ли созывать Национальную конституционную ассамблею. Если люди скажут “да”, нынешний Конгресс будет распущен, а действующую Конституцию заменят новой, современной, отвечающей требованиям XXI века.

– Друзья, на карту поставлена судьба наших будущих поколений!

Овации долго не стихают, президент чувствует потоки искренней любви и полного к нему доверия.

Уже в первые недели своего правления он участвует в стольких мероприятиях, проводит столько совещаний, что на это не хватает двадцати четырех часов в сутки. И когда Чавес передвигается по городу, весь транспорт встает в пробках. Где бы Уго ни появлялся, он везде видит бешеный энтузиазм и выражения безоговорочной поддержки. Все хотят взглянуть на него, потрогать, как можно громче объявить ему о своей любви.

Между тем Элоиса старается войти в роль первой дамы и велит оборудовать в их резиденции ее личный кабинет. Уго же проводит долгие рабочие дни во дворце в окружении советников, которые готовят новую Конституцию, и обсуждает с Анхелем Монтесом подробные и весьма тревожные доклады о положении дел в стране. Преступность оказалась не меньшей проблемой, чем бедность. Убийства происходят на каждом шагу. Передвигаться по Каракасу ночью гораздо опаснее, чем в любом из городов какой-нибудь воюющей страны. Цены на нефть катастрофически упали, и это не позволяет увеличить государственные расходы, а значит, сделать все то, что президент обещал и хотел бы сделать. Денег нет. Рабочий день Чавеса продолжается далеко за полночь, но он всегда находит время и для свиданий наедине со своими обожательницами.

Рассвет обычно застает президента в кабинете. Его соратники уже стали замечать на его лице признаки очевидной усталости, но никто не может убедить Чавеса, что не следует превращать ночь в день. Сегодня они готовятся сопровождать Уго на встречу с гражданскими активистами на другой конец города.

Утро – час пик для городского транспорта. Президентский кортеж медленно и с трудом пробивает себе дорогу, несмотря на мотокозвол и машины службы безопасности. Такие поездки Чавес совершал не раз. Сегодня ему предстоит пересечь густонаселенный бедный квартал. Через окошко своего бронированного автомобиля Уго смотрит на жалкие, липнущие одна к другой лачуги из кирпича и картона, которые служат людям жильем. Рассматривает холмы, целиком покрытые тысячами таких же жалких построек, где находят себе приют самые обездоленные. Скользит взглядом по длинным и узким лестницам, которые змеями карабкаются вверх и образуют лабиринты. Иногда за поворотом вдруг появляется небольшой свободный пятачок, где мальчишки играют в баскетбол, правда, порой они играют и в другие игры, куда более опасные для жизни, и берут в руки не мяч, а автоматы. Вот и здесь всего несколько

минут назад проходивший по улице парень получил пулю. Перестрелка еще продолжалась, а ему на помощь уже сбежались родственники и друзья.

Уличный переполох привлекает внимание президента. Восемь человек бегут вниз по улице, неся на руках окровавленное тело юноши. Появляется мать, которая ничего сейчас не соображает и думает только о том, что может вот-вот потерять сына. Люди пытаются что-то предпринять, но толку от их стараний нет никакого. Машины едут по дороге медленно и сплошным потоком. Редкие свободные таксисты отказываются взять раненого. Кто-то предлагает поднять его на мотоцикл и везти на заднем сиденье “лежа”.

– Остановись! – кричит Уго.

Встревоженные охранники видят, как он поспешно выскакивает из автомобиля, идет к людям и начинает отдавать распоряжения. В первую очередь приказывает отвезти парня вместе с матерью в больницу на одной из сопровождающих его машин. Гвардейцы на мотоциклах мчатся впереди, очищая путь для импровизированной “скорой помощи”. Все происходит так быстро, что пассажиры общественного транспорта, уличные торговцы и попрошайки не сразу успевают узнать благодетеля. Но уже через несколько секунд к нему, как муравьи, привлеченные сахаром, отовсюду спешат люди.

– Это он, это он! – кричат они.

И что тут может сделать охрана? Как взять под контроль столь бурные проявления народных чувств? Чавес не прячется от толпы, наоборот, велит телохранителям отойти в сторону. Люди смотрят на него с обожанием. И не верят своим глазам:

– Это он, это Уго!

Толпа берет его в плотное кольцо, так что Чавес не может пошевелиться. Они боятся упустить выпавший им шанс. Ведь надо столько всего попросить у него! К нему обращаются как к близкому другу:

– Уго, помоги починить мою хибару!

– Уго, мне негде жить!

– Уго, моей старухе нужна срочная операция, а я сижу без работы!

– Уго, я хочу учиться, дай мне стипендию!

– Уго, от бандитов совсем нет житья!

– Уго, дай нам воду, дай электричество!

Чавес выслушивает жалобы бедняков и сочувствует им, спрашивает их имена, интересуется их жизнью. Охрана не знает, куда деть сотни просьб, написанных на клочках бумаги, которые люди пытаются сунуть прямо в руки президенту. А он держит себя как их друг. Охрана выбивается из сил, стараясь вытащить Чавеса из кольца.

Лус Амелия Лобо, двадцатилетняя девушка, работая локтями, тоже хочет пробиться к Уго, чтобы вручить ему свою записку. Наконец она все-таки хватает его за рукав и кричит: – Уго, помоги мне!

Он бросает на нее взгляд, видит, что она беременна, и берет сложенную вчетверо бумажку.

И пока в больнице врачи пытаются спасти жизнь раненому парню, здесь, на улице, телохранители Уго наконец восстанавливают порядок. Президент возвращается в машину, а окрыленная надеждами толпа рассасывается. Лус Амелия исчезает в полном опасностей лабиринте улиц.

Подруги секретничают

Моника Паркер ходит на занятия йогой к Эве Лопес, потом они нередко вместе отправляются обедать, и постепенно их отношения перерастают в близкую дружбу. Эва искренне полюбила Моника, кроме того, она восхищается ее профессиональными талантами. Поэтому разведчица часто испытывает что-то вроде угрызений совести из-за того, что выуживает из Моника важную информацию, которой та делится с ней, не подозревая, что таким образом невольно работает на ЦРУ.

Как легко догадаться, разговоры между ними часто затрагивают и личную жизнь каждой. Моника рассказывает Эве о своих любовных неудачах и о том, как трудно женщине вроде нее найти человека, который соответствовал бы всем ее запросам. Так что обеим знакомо чувство одиночества, обе не могут забыть череду неудачных романов, и обе все еще надеются встретить наконец мужчину своей мечты.

Моника рассказала Эве о своем детстве и своих родителях. Рассказала, что отец происходит из старинной бостонской семьи, но вскоре после получения диплома некий банк послал его работать в Каракас – как раз в те годы Венесуэла переживала нефтяной бум. Молодой человек пустил корни в Венесуэле, женился на красивой девушке из столичного высшего общества, у них родились две дочери. А еще Моника сообщила, что ее мать умерла десять лет назад, сестра живет в Бостоне, отцу сейчас шестьдесят семь лет, он ушел на пенсию и пристрастился ко всякого рода пагубным удовольствиям – в первую очередь к выпивке.

Правда, Моника не стала рассказывать Эве Лопес о том, что обнаружилось два года назад: Чарльз (Чак) Паркер подделал финансовые документы, чтобы скрыть огромную растрату. Этот венесуэльский Мейдофф¹⁵ мошенничал на протяжении многих лет, в результате чего потеряли свои вклады все, кто доверился этому банку. Банк постарался очень аккуратно разрулить неприятное дело, Паркера уволили, но дали шанс: если в строго оговоренные сроки он не возместит украденное, ему не миновать тюрьмы.

Ничего не сказала Моника и о том, что в настоящее время ее отец безвылазно сидит дома, беспробудно пьет с горя и не знает, что делать. Не сказала она и того, что очень любит отца и готова пойти на все, лишь бы не допустить, чтобы его судили и приговорили к реальному сроку заключения. Не сказала, что и красоту свою, и ум, и все связи поставила на достижение этой цели. Да, об этих неприятностях Моника даже не упомянула, поскольку, будучи одной из самых известных персон в стране, должна была вести себя с большой осмотрительностью.

Ее утренняя новостная программа имеет на телевидении самый высокий рейтинг. Паркер берет интервью у политиков и сильных мира сего и умеет держать себя с ними жестко и в то же время уважительно. Весьма часто ее программы служат основой для статей, которые публикуются на первых полосах в изданиях самого разного направления. То, что каждый день звучит в программе Моника, потом обсуждается по всей стране.

На самом деле Эве Лопес хорошо известно все, что так тщательно скрывает Моника. И даже больше того. Эва хотела бы помочь подруге, но не представляет, как это можно сделать. А еще Эва с удовольствием перестала бы использовать Моника в качестве источника информации, но и тут ее личное желание мало что значит. Получаемые от Моника сведения бесценны, как и ее связи.

Кроме того, на Эву очень сильно давят сверху. Во время последнего разговора с Оливером Уотсоном она получила приказ немедленно пустить в ход все возможные средства, чтобы

¹⁵ Бернард Мейдофф (р. 1938) – американский бизнесмен. В 2008 г. был обвинен в создании, возможно, крупнейшей в истории финансовой пирамиды и приговорен судом Нью-Йорка к 150 годам тюремного заключения. В 2017 г. вышел фильм “Лжец, Великий и Ужасный”, роль Мейдоффа сыграл Роберт Де Ниро.

нейтрализовать главного кубинского резидента, на след которого, по признанию Эвы, она так до сих пор и не вышла. Но она снова твердо пообещала, что будет работать в этом направлении еще упорнее, а пока ограничилась составлением отчета, основанного на сведениях, полученных как от Моники, так и от других лиц.

Несколько месяцев назад ее агенты раскопали кое-что о тайных связях между Праном и неким Вилли Гарсиа, весьма любопытным персонажем, который принадлежит к экономической и социальной верхушке страны и, по словам самых надежных осведомителей Эвы, входит в круг близких к президенту людей. Шпионские фотокамеры засняли, как Вилли Гарсиа беседует с Чавесом в роскошных тюремных покоех Прана. На других фотографиях, тайком сделанных с большого расстояния, Пран и Вилли обедают с женщиной, который сидит спиной к камере. Возможно, это Уго. Где это происходит, непонятно, однако компанию им составляют красивые женщины. Снимки сделаны во время тюремного заключения Чавеса. Люди за столом пребывают в самом веселом расположении духа. Пьют шампанское и вообще шикают вовсю. А еще Эва внимательно изучает видео, снятое в президентском дворце на приеме по случаю инаугурации Чавеса, где Вилли Гарсиа горделиво улыбается, направляясь к президенту, чтобы засвидетельствовать свое почтение ему и первой даме.

Затем Эва переходит к фотографиям, совсем недавно напечатанным в официальной кубинской газете “Гранма”. На них запечатлены Фидель Кастро и Уго Чавес во время одного из ставших теперь частыми визитов венесуэльца на Кубу. Эва раскладывает перед собой все снимки и пытается найти некое связующее звено.

– Кто же вы такой, господин президент? – шепчет она.

Министерская верхушка

В девять вечера Пран берет трубку самого тайного и самого надежного из своих многочисленных телефонов – тот, что трезвонит сейчас как-то уж особенно настойчиво. Пран здоровается и самодовольно улыбается. Он слышит голос Уго, который объявляет, что теперь, став президентом, хочет по-настоящему отблагодарить его за все, что Юснаби Валентин сделал для него, пока Чавес сидел в тюрьме. Он может, например, подписать указ о помиловании Прана. Тот с улыбкой и очень вежливо отказывается от столь любезного предложения. Ведь там, снаружи, у него слишком много врагов и слишком много неразрешенных конфликтов с конкурентами по преступному бизнесу... Так что, едва он высунет нос на улицу, его сразу же прикончат.

– От всего сердца благодарю тебя за великодушный жест, президент, но пока мне будет спокойнее здесь, пойми меня правильно...

Однако Уго во что бы то ни стало желает щедро рассчитаться за невероятно важную для него в тех обстоятельствах поддержку, и Пран чувствует, что теперь и вправду настал подходящий момент, чтобы получить заслуженное вознаграждение.

– Ладно... раз ты настаиваешь... Но честно признаюсь: мне самому ничего не надо. Однако я был бы рад, если бы ты прислушался к моим скромным рекомендациям, когда начнешь подбирать себе команду. Есть люди, которым лично я полностью доверяю, весьма одаренные люди... Они искренне восхищаются тобой и могут оказаться тебе весьма и весьма полезными, если вы станете работать вместе.

Повисает напряженная пауза. Пран и Вилли обмениваются взглядами. Осминог продолжает:

– Естественно, я могу назвать имена! Например, Гильермо Гарсиа. – Уго что-то говорит в ответ. – Да, это именно он! – радостно подтверждает Пран. – Ты ведь знаком с Вилли. Он незаурядный экономист, очень уважаемый, хорошо ориентируется в проблемах нашей страны. Поставь его на экономику, и ему, как никому другому, поверят инвесторы из частного сектора – что наши, что иностранные. Он окончил Гарвард, знаешь? Можно сказать, что два языка для него родные, и это человек фантастически талантливый.

Пран подмигивает партнеру. Прощается со “своим дорогим президентом”, вешает трубку и поднимает стакан с ромом. – Я уже говорил тебе, Вилли, что не являюсь хозяином всего мира. Зато меня можно считать все равно что сыном этого хозяина! И Господь меня любит! – говорит Пран и смеется собственной шутке.

Несколько дней спустя Пран сидит перед телевизором и с явными признаками нетерпения на лице смотрит очень важную пресс-конференцию, которую транслируют из президентского дворца. Чавес, излучая обаяние, представляет стране членов своего первого кабинета министров. Моника Паркер в прямом эфире комментирует это событие:

– Президент несколько задержался с объявлением имен новых министров. Обычно назначения проходят в тот же самый день, когда он принимает присягу. Но наш новый президент любит нарушать установившиеся традиции и оставил министерские посты вакантными до тех пор, пока не почувствовал себя готовым принять нужные решения. Некоторые из его недоброжелателей уже высказались в том духе, что настоящая причина задержки со столь серьезными назначениями кроется в том, что он не хотел, чтобы что-то или кто-то омрачали церемонию принесения президентской присяги. Он хотел быть в тот день главным и единственным героем, хотя, безусловно, эта роль действительно досталась именно ему. Но то, что теперь он наконец-то проявил готовность сделать этот ответственный шаг, – хорошая новость.

Однако Моника избегает говорить о том, что среди министров царят растерянность и взаимное недоверие. Эти по-разному одетые и привыкшие по-разному вести себя люди отныне призваны возглавить министерства. Зато каждая влиятельная социальная группа чувствует

себя представленной в новом кабинете. В общем и целом вновь назначенные люди принадлежат к тем кругам, которые с самой ночи путча обхаживали Чавеса. Также становится очевидно, что президент создает огромный бюрократический аппарат. Среди министров есть люди с безупречной репутацией и большим опытом, есть академики, экономисты, левые политики, общественные активисты, но главное – несколько бывших военных, которые сопровождали Чавеса во всех авантюрах – как, например, его верный оруженосец Анхель Монтес.

“Государственный сектор может превратиться в дорогостоящего и недееспособного монстра”, – предупреждают аналитики, которых опрашивает Моника. Но Уго этого не боится. Он верит в Государство, а значит, под его руководством Государство станет столь великим, сколько оно того заслуживает, а министерств будет именно столько, сколько стране потребуется. Это Чавес повторяет при каждом удобном случае. – У меня составлен длинный список первоочередных задач, тех дел, которые я обязан сделать, и тех необратимых перемен, которые я хочу осуществить, потому что мы сейчас совершаем революцию. Разве не так? – гневно вопрошает он тех, у кого появляются сомнения относительно его решения создать десятки новых министерств и прочих государственных учреждений и организаций.

Все ожидают, что первые же назначения покажут, какой путь выбрало правительство. Но, если судить по оценкам аналитиков, эти до крайности противоречивые назначения всех только озадачили.

Моника, пытаясь поглубже разобраться в происходящем, особое внимание уделяет новому министру финансов, доктору Гильермо Гарсиа, ведь те, кто знает его с давних времен, не могут прийти в себя от изумления и не понимают, как такое могло произойти:

– Вилли – министр при Чавесе?!

Больше других удивлена сама Моника, ведь она прекрасно с ним знакома, мало того, когда-то давно у нее даже случился с Вилли долгий и несчастливый роман, который чуть не свел ее с ума и о котором, к счастью, только чудом не прознали журналисты. Она до сих пор не понимает, как могла угодить в подобную ловушку: больше года верила его коварным заверениям в любви и обещаниям оставить жену, с которой прожил несколько лет, а также детей, чтобы начать новую жизнь вместе с Моникой. Они уедут в США или в одну из европейских стран. У них будет семья. Он займется бизнесом, а она будет снимать документальные фильмы. Они будут путешествовать по всему миру. И счастливо проживут не расставаясь до конца своих дней. Все оказалось пустой болтовней, и в тот момент Монике, конечно, было больно, но сегодня она благодарит судьбу за то, что все эти планы полетели к черту, после того как однажды она увидела, как мужчина, обещавший ей вечную любовь, разгуливает по пустынному пляжу, держа за ручку самую известную модель той поры. Моника оказалась там по чистой случайности – вместе со своей группой она снимала в тех местах фильм. Они решили поближе подойти к красавице. А Вилли? Он не знал, что сказать и как себя вести. Зато Моника знала. Она порвала с ним отношения и запретила себе впредь попадаться в сети соблазнительей, для которых порядочность является не более чем обременительным аксессуаром. В результате Моника снова решила крепко вцепиться в свое одиночество – да, порой оно было неуютным, зато можно было не бояться обмана.

И вот теперь, думает Моника, по капризу судьбы они снова оказались почти что рядом. Как же получилось, что Вилли вошел в круг приближенных Чавеса? Как удалось человеку, который принадлежит к социальным кругам, столь чуждым новому президенту, занять пост министра? Однако многие этому рады, потому что он “разбирается в экономике и бизнесе”. А знающие его деловые люди пребывают в тревоге, поскольку помнят: в тот период, когда Вилли понадобилась помощь, они не помогли ему, а, наоборот, постарались утопить.

По случаю назначения Вилли Гарсиа министром в пещере осьминога был, разумеется, устроен праздник. Имя нового президента значилось в телефоне Прана в списке быстрого набора под первым номером, а несколько министров состояли у него “в личном штате”. Теперь

Юснаби Валентин мог пожинать плоды своего хитроумного плана. Мог уверенно расширять свой легальный и нелегальный бизнес до пределов, о которых раньше не смел и мечтать. Он откроет новые рынки и купит новые предприятия. Понятно, что не все пойдет гладко. Он знает, что у него появятся сильные враги – и даже из числа сторонников его друга Чавеса. Но страх – насекомое, которое давят каблуком. И Прану известно, как это делается.

Алло, президент!

Убедившись, что его политическая судьба очень во многом была предрешена за те сорок секунд, когда после неудачной попытки военного переворота он произносил свою эмоциональную речь перед телекамерами, Чавес твердо вознамерился сформировать вокруг себя управляемое медийное пространство. И вот теперь каждое воскресенье он рассказывает о новых программах правительства, беседует в прямом эфире с министрами и отвечает на звонки сограждан, друзей и даже других латиноамериканских президентов. Эту передачу Чавес назвал “Алло, президент!”.

А так как радиоканал, который находится в распоряжении правительства, имеет ограниченный радиус действия, владельцы частных радиокompаний охотно идут навстречу президенту, и в результате его может слышать практически вся страна. Оппозиция удивлена тем, как смело Чавес пользуется такой возможностью. “Он на этом деле непременно прогорит. Подобный ритм никому не выдержать. Вот увидите, он свою затею скоро бросит”, – весьма недальновидно предсказывали его противники, а также некоторые эксперты по СМИ.

У первых передач не было заранее подготовленного сценария, они опирались на хронику текущих событий и график предстоящих в ближайшее время поездок президента – либо в одну из провинций, либо за границу. Помогали Чавесу двое ведущих, хотя в основном они были заняты тем, что курили ему фимиам в паузах при переходе от одной темы к другой. А Чавес на полную катушку пользовался тем, что он здесь главный герой, и охотно демонстрировал разные свои таланты, включая и вокальные: скажем, запросто подпевал исполнителям шлягеров или песен протеста. Кроме того, чтобы развлечь слушателей, он пускался в воспоминания о своем детстве и военной службе, рассказывал, как мечтал стать классным бейсболистом или о том, каким успехом в юности пользовался у девушек.

Однако стержнем каждой программы были долгие беседы с радиослушателями. Люди звонили в студию, чтобы поделиться с Чавесом своими бедами, и обращались с просьбами. Многие настаивали на личной встрече, даже приглашали Уго к себе домой, желая подробно рассказать о своих проблемах. Президент спрашивал номера телефонов и отдавал распоряжение помощникам позвонить по ним сразу же после окончания передачи. Но сограждане мечтали лично увидеться с ним, со своим президентом, занявшим трон спасителя человечества.

– Как ваши дела, президент? – спрашивает Педро Марреро, один из слушателей.

– Все хорошо, парень, со мной рядом мои друзья-патриоты, – отвечает Чавес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.